

CODE: СССР

ITEM: О ЗВЕРСТВАХ СОДЕЯНЫХ ТАКИМИ КАК НАЧАЛЬНИК УСТЬВЫМЛАГА НКВД ПОЛКОВНИК ТАРАСЮК НАДО РАССКАЗЫВАТЬ - НЕМАЛО ЛЮДЕЙ ПЫТАЮТСЯ ЗАЩИТИТЬ СТАЛИНСКИЙ ПАЛАЧЕСКИЙ РЕЖИМ
/"НЕДЕЛЯ" № 41, 1988 г./

Не осудите, пожалуйста, за беспокойство.

По поручению товарищей и от себя обращаюсь с жалобой. Прочитали в «Неделе» № 19 рассказ Льва Разгона под броским заголовком «Гражданин начальник». Это сочинение с набором

неправдивых и нелогичных фактов удивило.

Л. Разгон всю войну просидел в лагерях. Неизвестно, по сфабрикованному делу или за преступление, не в этом вопрос. Его рассказ обидел и возмутил ветеранов.

Хочу, чтобы мое мнение было опубликовано, даже если это неудобно редакции «Недели». Время, когда играли в молчанку, ушло. Если надо, мы напишем коллективное письмо от ветеранов войны и труда.

В. ПОМЕЩЕНКО,

член КПСС с 1943 г., участник ВОВ, ветеран труда,
ВОЛГОДОНСК.

В. Я. Помещенко от своего имени и от имени неизвестных мне «ветеранов войны и труда» возмущен тем, что я в своем рассказе «Гражданин начальник» незаслуженно обидел начальника Устьвымлага НКВД полковника Тарасюка.

Кто такой был этот полковник? Один из тех, кто старательно и бесчеловечно превращал советских людей в «лагерную пыль». Как в страшной сказке о Кощее, где-то скрыта страшная цифра людей, погибших в лагерях, которыми, как оспой, была обсыпана огромная страна. Но этих — уничтоженных — были миллионы!

Они погибали от непосильного труда, холода и голода, от неслыханных унижений и оскорблений, от жизни, которую не могло бы выдержать ни одно млекопитающее... Я это видел сам! Они оставили после себя бесчисленные безымянные могилы, которые сровняли с землей. В этих могилах захоронен цвет нации — талантливые, честные, трудолюбивые люди.

И это делал не кто-нибудь, а люди, носившие на своих плечах погоны, считавшие себя советскими людьми. Они ушли на «заслуженный отдых», они стали военными пенсионерами, на них распространены все льготы, они даже считаются «участниками войны», и грудь их украшена орденами колотками. Лишь немногие понесли заслуженное наказание.

В. Я. Помещенко считает, что я «просидел всю войну в лагерях» и не в том вопрос: за что... Отсиделся, значит, от войны? Вместе со мной, на одном только нашем лагунке, «отсиживались от войны»: умерший у нас герой

19.10.88
DAY MONTH YEAR

No. F — 457 26

CODE: С С С Р

ITEM: НЕМАЛО ЛЮДЕЙ ПЫТАЮТСЯ ЗАЩИТИТЬ СТАЛИНСКИЙ ПАЛАЧЕСКИЙ РЕЖИМ /2/

гражданской войны комкор Я. З. Покус, начальник штаба ОКДВА комкор С. Н. Богомягков, зам. начальника Генерального штаба комкор Н. В. Лисовский и множество других офицеров с огромным боевым опытом, закончившие военные академии. Это их уничтожали такие, как полковник Тарасюк и ему подобные. Они их убивали, мародерски присвоив себе их звания — майоров, полковников, генералов. Берия — так тот и маршалом стал.

А с кем воевали эти липовые офицеры и генералы? С собственным народом, с беззащитными, находившимися в их безраздельной власти людьми, с женщинами, стариками и детьми.

Я — один из немногих уцелевших и свой долг гражданина, коммуниста и литератора вижу в том, чтобы об этом рассказать всем, ныне живущим, всем будущим поколениям. А то, что это необходимо делать, показывает письмо В. Я. Помещенко. Он не один. Я получил немало писем от ему подобных, пытающихся защитить сталинский палаческий режим.

Какие качества необходимы человеку, чтобы спокойно переступить через жизни миллионов, чтобы защищать палачей? Необходимо не иметь ни капли совести.

Но совесть — это как талант. Или она есть, или ее нету.

Лев РАЗГОН.

- ОК -

19.10.88
DAY MONTH YEAR

457 27
No. F—

CODE: С С С Р

ITEM: МНЕНИЕ ОДНОГО ЧИТАТЕЛЯ: "ЧЕСТНЫМ ЛЮДЯМ ПРИ СТАЛИНЕ ЖИЛОСЬ НЕПЛОХО!"
"МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ", 8.9.88, стр. 4

Продолжают поступать отклики читателей на беседу Ольги Белан с Роем Медведевым «К суду истории» и публикацию писем «Время и истина».

Предвзятая история?

Прочитал я в вашей газете интервью «К суду истории» и статью «Время и истина», и мне стало стыдно за вас, за Р. Медведева и за газету, за то, как вы ведете грязную борьбу, чтобы всеми средствами опорочить Сталина и его время, даже Жукова в эту грязь затаскиваете.

Какую же предвзятую историю получит наш народ от таких историков, как Р. Медведев?

Всех в эту грязь затащиваете, чтобы прославиться сенсацией, заработать деньги.

В стране столько непорядков: коррупция, протекционизм, наркомания, да что перечислять, если вы все знаете...

Мне 45 лет, рабочий, средне-техническое образование, член КПСС, много читал — Кузнецова, Яковлева, Баграмяна, Воронова, Шапошникова, Штеменко и, конечно же, Жукова.

Все они хорошего мнения о Сталине. Когда был жив мой отец (технологом цеха работал), он мне говорил: честным людям при Сталине жилось неплохо, как ни трудно было после войны, но отменили карточную систему, хоть по пятаку, но цены снижали.

...Историю нам пишете? Кому она нужна, такая ваша история?

КУЗЬМЕНКО В. В.

CODE: СССР

ITEM:

"МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ"
от 9. 9. 88, стр. 4

Я хорошо знал Жукова

...В годы, когда я познакомился с Георгием Константиновичем, он был серьезно болен, ослаблен болезнями, и было целовко задавать ему слишком много вопросов. Однако Георгий Константинович не был замкнутым человеком, он охотно беседовал и охотно отвечал на вопросы. Я, конечно, понимал, что передо мной гениальный человек, «сама история», и не мог удержаться от соблазна задать ему некоторые особенно интересующие меня вопросы.

В связи с этим считаю совершенно необходимым сообщить, что Георгий Константинович в разговоре со мной подробно останавливался на вопросе о репрессиях военных кадров в период, когда он служил в Белоруссии, и рассказал, как ему «чудом удалось спастись», к каким рискованным средствам он для этого прибег. Трудно допустить, что в своем труде он намеревался избежать этой темы. Похоже, что тов. Комолов считает, что эта тема Г. К. Жукова не интересовала. Это глубокое и вредное заблуждение.

Тов. Комолов абсолютно не касается темы, в каких тяжелых условиях создавался труд Г. К. Жукова. Редактор АПН Миркина написала и сообщила об этом во время своего выступления на читательской конференции в библиотеке Киевского района. Я на этой конференции присутствовал и выступал как очевидец последних лет жизни маршала. Тов. Миркина утверждала (и, видимо, так и было), что книга Г. К. Жукова создавалась в своеобразном «вакууме», что военные специалисты (редакторы) категорически отказались от технического участия в создании этой работы. Это было время невыносимой для Жукова Г. К. опеги (у меня есть много примеров этому), которая, конечно, сократила его век.

Поистине надо отличаться безбрежным «оптимизмом», а скорее наивностью, чтобы считать, что Г. К. Жуков писал книгу в нормальных условиях, что он смог отразить в ней, что хотел, что ему не навязывались чуждые и неправильные взгляды и точки зрения. Он, несомненно, находился под прессом, давлением извне, с самого «верха». Не к лицу тов. Комолову, учившемуся, если я не ошибаюсь, совместно со мной в таком солидном заведении, как экономический факультет МГУ, и прошедшему, как мне помнится, в дальнейшем, наверное, нелегкую школу заключенного, отличаться «идеализмом», нежеланием разобраться в весьма специфических условиях брежневской эпохи. Быть

«наивным», заблуждаться даже в преклонном возрасте — право каждого, но зачем же вводить в заблуждение широкого советского читателя? Такой опыт, измывшийся десятилетиями, у нас был, и мы им сыты по горло.

Странно, и, я бы сказал, кощунственно звучат слова Г. Комолова о «тяжелых ошибках» Сталина. Тов. Комолов не владеет русской лексикой? Он не знает, как звучат слова для определения деяний Сталина! Так и хочется сказать: «Бедная, заблудшая овца тов. Сталин... а как ведь много хорошего сделал...».

По поводу Н. С. Хрущева. Несмотря на безграничную его вину перед Жуковым Г. К., маршал стремился сохранить объективность. Он сказал мне, что долгие годы он был в хороших отношениях с Н. С. Хрущевым, добавив: «Я не знаю и не понимаю, что с ним случилось в последние годы» (имелись в виду последние годы нахождения Н. С. Хрущева у власти после увольнения Жукова Г. К. в отставку). Активнейшая поддержка Г. К. Жуковым Н. С. Хрущева на знаменитом Пленуме ЦК в 1957 г. против сталинистов — лучшее отражение политических взглядов маршала, в том числе объективно и к Брежневу, бывшему, несомненно, одним из них. То, что эти взгляды, так ярко и незабываемо проявившиеся на указанном Пленуме, не нашли отражения в книге маршала, исключительно симптоматично и указывает на те рамки «свободы», которые для него были установлены.

Складывается, между прочим, впечатление, что Г. Комолов хочет обратить на себя внимание читательской публики. Это его дело и его право. Безгранично жаль, что не у кого теперь спросить, какова была его действительная роль в истории с книгой и так ли уж она была важна и безупречна.

С искренним уважением,

В. Я. АРХИПОВ,
профессор, доктор экономических наук, сотрудник АН СССР.

4

28 ОКТЯБРЯ 1988 г.

ТИ

("/1/
("ТУРКМЕНСКАЯ ИСКРА")

ЛЕГЕНДАРНЫЙ КЛИНОК ТУРКМЕНИИ

12 лет в боях, 18 — в сталинских лагерях

В Центральном музее Вооруженных Сил СССР, в его постоянной экспозиции, посвященной гражданской войне, на одном из видных мест — материалы о легендарном командире Отдельной туркменской кавалерийской бригады Я. А. Мелькумове. Под музейным стеклом большая фотография комбрига, его боевые награды: три ордена Красного Знамени, орден Красного Знамени Туркменской ССР, бухарский орден Золотой Звезды.

Ашхабадцы старшего поколения помнят его славно имя, гордятся им. Правда, уже нет или почти нет в живых тех красных конников, что разили отрядами клинками контрреволюционные банды басмачей — ставленников английского империализма. Но сыны, внуки и правнуки — юноши молодой Туркмении передают из уст в уста легенды о героической Отдельной туркменской кавалерийской бригаде — первом национальном соединении Красной Армии на территории республики. Бригада была сформирована и возглавлена комбригом Яковом Аркадьевичем Мелькумовым.

Яков (Акоп) Мелькумов вырос среди ашхабадцев (он переехал с семьей в Туркмению в раннем детстве). В дореволюционном Ашхабаде учился, начинал свою трудовую деятельность. Он знал туркменский язык, хорошо разбирался в лошадях, увлекался национальными конными играми. А с боевым клинком его сдружила первая мировая война. Лихой кавалерист получил на фронте унтер-офицерские лычки.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Мелькумов принял душой и сердцем. В 1918 году вступил в партию. Его назначили командиром 1-го Московского кавполка. Революция быстро продвигала Мелькумова на новые командные посты. В боях под Воронежем он возглавлял сводную бригаду 8-й армии Южного фронта.

В родные края Яков Аркадьевич возвратился со штабом Фрунзе. Они познакомились в Самаре. Узнав, что молодой командир жил до войны в Ашхабаде, Фрунзе обрадованно спросил: «Вы и местный язык знаете?». И сразу перешел на

киргизский. Они хорошо понимали друг друга, шутили, смеялись. Оба были одногодками, выходцами из народа, к ратному труду их приобщила Революция, необходимость защищать свою многонациональную Родину. Пока Михаил Васильевич возглавлял Туркестанский фронт, он всегда выделял среди красных командиров Якова Мелькумова, ставил в пример его умение действовать в местных условиях, привлекать на сторону Советской власти, как любил повторять Фрунзе, «узбекского дехканна и туркменского пастуха».

Свой первый орден Красного Знамени командир 1-й бригады 1-й Туркестанской кавдивизии Я. А. Мелькумов получил в сентябре 1920 года за освобождение Старой Бухары.

Но обстановка на Туркестанском фронте требовала усиления борьбы с контрреволюционным басмачеством, которое всячески разжигала и поддерживала Англия. Главным опорным пунктом «армии ислама» стала крепость Гиссар в Восточной Бухаре (территория нынешнего Таджикистана). Здесь сколачивали свое войско бежавший из Старой Бухары эмир и его вассалы — Курширмат, Ибрагимбек и др. Весь 1921 год шли кровопролитные бои с басмаческими отрядами, завершившиеся победой красных воинов — туркестанцев. За мужество и стойкость, за умелые действия в операциях Гиссарской экспедиции, приведшие к полному разгрому войск эмира, правительство РСФСР наградило Я. А. Мелькумова вторым орденом Красного Знамени, почетным оружием.

Пройдут годы, прежде чем следователь из ведомства Берии спросит у Мелькумова:

— Что вас связывало с бухарским эмиром, с английской разведкой?

И как ни изнурен был Мелькумов многодневными мучительными пытками, он найдет в себе силы рассмеяться в лицо палачу:

— Связывались мы клинками...

Но до ташкентских застенков было еще далеко. 12 лет провел комбриг Я. А. Мелькумов в боевых походах по пустыням и горам Средней Азии, преследуя и уничтожая смертельных врагов молодых советских республик. Предательство илазобухарцев, контрреволюционные авантюры Энвер-паши, Ибрагимбека, Джунаид-хана — эти и многие другие большие беды революционного Туркестана требовали от красных конников все новых и новых боевых усилий, мужества, верности Революции. Русские, украинцы, узбеки, туркмены, таджики, казахи, армяне, азербайджанцы обильно пролили свою кровь в совместном ратном труде. Это были истинные интер-

националисты, объединенные революционным долгом.

В конце двадцатых годов комбригу Мелькумову было поручено сформировать Отдельную туркменскую национальную кавалерийскую бригаду. К тому времени «Якуб-тюря» («Яков-начальник», так называли Мелькумова по всему огромному краю) был едва ли не самым прославленным конником, первой шашкой Туркестана. Под знамена Туркменской кавдивизии собирались добровольцы — лучшие джигиты молодой республики, ее самые преданные сыны. За формированием бригады 1-го и 2-го туркменских полков наблюдали лично командующий войсками САВО П. Дыбенко, предсовнаркома ТССР Н. Атабаев. Кавалерийскую бригаду готовили к завершающим боям с басмачами на территории Туркменистана, в песках Каракумов.

Операция началась в январе 1931 года в обширном районе, простиравшемся до 160 километров в глубину песчаной пустыни. Со станции Казанджик форсированным маршем шла Туркменская кавбригада, с молодым задором рвавшаяся в бой. Из Кизыл-Арвата вышел Узбекский кавалерийский полк. На последний смертельный бой с басмачами были направлены также части Красной Армии из Красноводска, Теджена, Мерва (Мары). Операцией руководил П. Е. Дыбенко. Вскоре Каракумы были навсегда очищены от басмачей.

За доблесть и мужество в боях многие бойцы, командиры и политработники Туркменской национальной бригады были награждены орденами Красного Знамени. Третий орден Красного Знамени украсил грудь комбрига Якова Аркадьевича Мелькумова.

После окончания Краснознаменной академии РККА им. Фрунзе (1932—34 гг.) Я. А. Мелькумов возвратился в Среднеазиатский военный округ, где успешно работал на разных командных должностях, вплоть до помощника командующего войсками округа. 15 ноября 1937 года его по телефону вызвали в кабинет командующего. Едва переступил порог пустого кабинета, как был вплотную окружен четырьмя сотрудниками особого отдела САВО. Видимо, Мелькумов предчувствовал недоброе (по всему округу шли аресты командного состава), потому что довольно спокойно произнес:

— К чему эта комедия? Пришли бы ко мне...

— И напоролись бы на ваш маузер, Яков Аркадьевич, — в тон ответил один из особистов. — Характер ваш известен...

Следствие по делу «английского шпиона» Я. А. Мелькумова продолжалось рекордное время — до 5 апреля 1940 года. При всем своем темпераменте Мелькумов почти два с половиной мучительных года сохранял удивительное самообладание, не подписывая ни одного листа так называемого «дела», не оговорил ни одного человека. За ходом следствия наблюдал из Москвы сам всесоюзный палач Лаврентий Берия. Видимо, показания Мелькумова нужны были для организации новой волны арестов среди командного состава САВО, других военных округов, в военных академиях, Наркомате обороны. Из Москвы поступило указание «ужесточить дознание». Мелькумова жгли электрическим током, избивали, по трое суток держали на допросах, лишая сна, отказывая в воде. Но Мелькумов упорно отрицал дикие, нелепые обвинения.

Однажды следователь устроил отступку ставку

Мелькумову с его однокашником по Академии им. Фрунзе В. Н. Батениным. Не поднимая глаз, последний заявил, что действительно завербовал Мелькумова в английскую разведку.

— Ты, Батенин, живой? — неожиданно спросил Мелькумов.

— Пока да, — удивился вопросу Батенин.

— Ну, вот, а говоришь завербовал. Только бы начал меня вербовать, как стал бы покойником. — усмехнулся Мелькумов. — Разве не так?..

— 1940 года Военный трибунал САВО

приговорил Я. А. Мелькумова к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Военная коллегия Верховного Суда СССР 12 июня того же года приговор утвердила. Не довольствуясь этим, Берия собственноручно пометил на приговоре: «Содержать в северных лагерях до особого указания», что фактически означало пожизненное заключение.

18 лет провел в сталинских лагерях Яков Аркадьевич Мелькумов, пока не стало, наконец, самого Берия. 20 мая 1955 года дело пересматривалось пленумом Верховного Суда СССР. Мелькумов был полностью реабилитирован, восстановлен в партии, ему вернули все боевые награды.

...Сию в обществе супруги Я. А. Мелькумова, 93-летней Франциски Яковлевны, сына Эдуарда Акиоповича, бывшего фронтовика, танкиста (уроженца Ашхабада). Приходил к ним несколько раз, не хотелось подолгу беречь старые раны. Горькими получались наши беседы — о сломанных человеческих жизнях, гнусных несправедливостях сталинщины, вопиющем произволе. После ареста главы семьи их выбросили буквально на улицу, сына Эдуарда и дочь Элеонору уволили, хотя были они рядовыми тружениками (Эдуард — автослесарь, Элеонора — инженер-химик). Удалось пробиться к Швернику. Выслушав их, тот иррационально заметил: «Что же вы хотите? Известно, когда лес рубят — щепки летят». С тем и отпустил молодых людей.

Колымские лагеря подорвали здоровье Мелькумова, тем более, что отбывал он 18-летнее заключение в пожилом возрасте. Бывшего комбрига можно было видеть на разных работах — и барак подметал, и водовозом был, и в тяжелой глухомани лес трейлевал.

— Горше всего было узнавать о неудачах советских войск в первый год войны, — вспомнил впоследствии Яков Аркадьевич. — Почему были истреблены Сталиным многие выдающиеся военачальники, в том числе и бывшие туркестанцы — Белов, Корк, Дыбенко и другие? Почему я, профессиональный военный, наделенный многолетним боевым опытом, как и бесчисленное количество других бывших командиров, вынужден прозябать в лагерях, а не воевать с немцами?

Ответов на эти вопросы он не находил. А о том, как могли сражаться туркестанцы и как они сражались на фронтах Великой Отечественной войны говорили примеры Героев Советского Союза генерал-полковника М. П. Константинова и генерал-лейтенанта В. Г. Позняка, генералов В. Т. Обухова, В. К. Баранова, Якуба Кулиева...

Уже тяжело больной, прикованный к постели Яков Аркадьевич продолжал работать над военными мемуарами, посвященными памяти дорогих его сердцу красных конников. Он успел уви-

еще

деть вышедшую в Москве свою книгу «Туркестанцы».

Умер Яков Аркадьевич Мелькумов в 1962 году и похоронен на Новодевичьем кладбище. Министерством обороны СССР установлен на его могиле памятник. Легендарный «Якуб-тюря» остался навечно в граните.

ТЕМ: ПИСАТЕЛИ ПРЕДЛАГАЮТ СООРУДИТЬ МЕМОРИАЛЬНУЮ ДОСКУ В ПАМЯТЬ О ЛИТЕРАТОРАХ, ПОГИБШИХ В ГОДЫ РЕПРЕССИЙ. "НО БУДЕТ ЛИ ПОЛОН ЭТОТ СПИСОК?"

«Вечерняя Москва»

Суббота, 12 ноября 1988 года

/1/

3

Хотелось бы всех поименно назвать...

Растрелянная литература

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К БУДУЩЕЙ КНИГЕ

ОН ОПИСЫВАЛ свое поколение — тех, кто в семнадцать взял в руки винтовку и постарался не спинуть «на той единственной гражданской», а в двадцать уже вернулся в родной город, неузнаваемо переживший в облике и привычках:

«Москва сияла надеждами. Нас пьянил грохот этой неоскудевающей и неутомимой жизни. Большинство из нас никогда не знало стремительности большого города. Мы были неуклюжи и застенчивы во всем личном, фанатичны и беспощадны в общественном — это был провинциальный пух на щеках поколения, угловатость его замыслов и надежд...»

Он говорил о Москве, как о старом товарище, с которым встретился после разлуки недолгой, но тягостной:

«Город стоял весенний, обсохший на своих, тогда еще редких, асфальтах и грубых булыжниках. Его огромные надежды и ожидания запомнились гулками вечерами, в дымах реки, у башен, окутанных испарениями парков, столетних деревьев Александровского — в отзвуках наших легких шагов».

Он называл улицу, на которой жил, «старина Арбат» — и в этом не было панибрательства, а была любовь — верная и навсегда:

«Весна на Арбате. Так можно назвать книгу или стихотворение, или картину. Но в ущелье старинной улицы, извиляющейся, как течение реки, всегда должны врываться какие-то легкие дни, когда трамваи гудят так, словно хотят оторваться от земли, изумленная синеза над Москвой, только что налетевшая, ранняя, прохладно заплескавшая гроза... Грохнуло, расколослось, пробарабанило и пропело по крышам, музицируют водосточные трубы, и вдруг запахнет тополями из Денежного или от Николы на Плотниках. И вот уже унесло облако. И отчаянно тарыхтит по вымытому ржавому булыжнику извозчицья пролетка, о которой мы будем рассказывать дедушкам, как сейчас уже, рассказываем о недавней арбатской старине. О Николае

Шatroвом, что звонил еще в наши молодые дни, — рядом с ним дом с белыми колоннами, он жив и по сей час, — о Спасе на Песках, том самом, в котором венчалась дочь Казимира Станиславовича — этим именем и отчеством назван рассказ Ивана Бунина. Красивый рассказ о человеческой судьбе из того, давно уже умершего мира...».

Он начинал поэтом, а ушел из жизни прозаиком — москвич Николай Зарудин, тридцати восьми лет. Господи, да что значит — «ушел», когда его убили в тридцать седьмом, и тот, кто убивал, приводя в исполнение приговор Военной коллегии, может быть, тоже жил на Арбате, который был для него просто улицей, и было ему в величайшей степени наплевать на то, чем жил и что любил этот паршивый интеллигент, а равно же и другие, в

которых, может быть, именно он будет сегодня стрелять: Борис Пильняк, Глеб Алексеев, Артем Веселый...

Просыпаемся, протираем глаза после многолетней спячки, после духовного анабиоза, в который погрузил нас сталинизм, — и маячат перед нами контуры новой советской литературы, о которой мы и знать не знали (ах, если бы рукописи действительно не горели, если бы они умели не гореть...) и которую напрочь заслонили от нас «Кавалеры Золотой Звезды» и «Зеленые улицы».

Понимаем ли мы и сейчас, на четвертом году перестройки, когда многое сказано и о многом написано, какой гигантский творческий потенциал был погублен стараниями Сталина и его присных?

«От Москвы до самых до окраин» корежились в огне рукописи и гибли те, кто их создал:

еще под следствием, не выдержав мучений, умер в тюрьме поэт Авенир Ноздрин — первый председатель первого в России Совета рабочих депутатов в 1905 году:

в Тбилиси расстрелян Тициан Табадзе — гордость грузинской поэзии, ее неутрачивающая боль:

в лагункте Атка на Колыме умер от голода поэт Василий Князев, тот, о ком написал строчки, так нравившиеся Ильичу: «никогда, никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами!»:

сгинул безвестно поэт Петр Парсенов-Алтайский, но страна еще дождет петь его «По долинам и по взгорьям» — партизанский гимн, с данным на растерзание литературным мародерам:

превратившись в лагерную пыль угаснет (или будет расстрелян за невыполнение плана?) талантливейший, мариец Иван Кырля — поэт и акте обворожительный Мустафа из «Путешествия в жизнь» и один из авторов поэтического сборника «Мы — ударники»:

осиротеет советская литература: кому — в тридцать девятом в Сельтварской тюрьме умрет, не дожидаясь суда (суда?!), один из ее основателей, положивший Тима Вень, а другой — Виктор Савин продержится в лагере до сорок третьего...

ЛЕТОМ 1934 года состоялся Первый съезд писателей СССР, ставший подлинным праздником советской многонациональной литературы. Решив незрелые организационные вопросы, только что созданный Союз советских писателей готов был перейти к решению вопросов творческих. Но уже к концу тридцать седьмого года стес-

ТЕМА: ПИСАТЕЛИ ПРЕДЛАГАЮТ СООРУДИТЬ МЕМОРИАЛЬНУЮ ДОСКУ В ПАМЯТЬ О ЛИТЕРАТОРАХ, ПОГИБШИХ В ГОДЫ РЕПРЕССИЙ. "НО БУДЕТ ЛИ ПОЛОН ЭТОТ СПИСОК?"

граммы съезда были сданы на спецхранение — и не только потому, что на нем выступал «враг народа» Бухарин: к этому времени бесследно исчезло не менее трети «сотцов-основателей» первого в стране творческого Союза. Но это был не последний удар: к тому времени, когда умер «лучший друг советских писателей», из шестисот делегатов съезда было уничтожено более двухсот и еще несколько десятков томилась в заключении.

Страшный удар приняла на себя в тридцать седьмом Московская писательская организация. Один за другим исчезали поэты, прозаики, критики, литературоведы — крестьянские прозаики и пролетарские поэты, бывшие «перевальцы» и бывшие «кузнецы», те, кого называли некогда попутчиками, а равно же и те, кто этих попутчиков громил. Вчерашний рапповец, претендовавший совсем недавно на

роль «недреманного ока государева» в литературе, встречался в лубянской камере с бывшим акмеистом — спорили ли они тогда о судьбах соцреализма?..

А тогда — еще на свободе, во время изнурительных многочасовых, многодневных партийных собраний в Клубе писателей — сомневались ли в том, что Борис Пильняк — «контрреволюционное охвостье», а Bruno Ясенский — польский шпион? Пытались ли возразить неистовавшим в разоблачительном раже драматургу Всеволоду Вишневскому и очеркисту Владимиру Ставскому? Сомневались. Пытались. И даже — случай невероятный по тем временам! — проголосовали за то, чтобы оставить в партии одного из ошельмованных. На следующее собрание примчался секретарь Краснопресненского райкома ВКП(б) Владимир Симочкин. «Как посмели?! Прочь болот-

ные настроения!» Исключили, теперь уже не сомневаясь. Исключенец исчез навсегда, а вслед за ним сгинул и Симочкин — опоздал, не проявил вовремя бдительности, чем и способствовал лил воду на мельницу... политическая слепота... свили гнездо... под крыльями ком...

ПЯТЬДЕСЯТ лет спустя на улице Воровского, в том же самом доме и в том же, может быть, зале московские писатели-коммунисты на одном из своих собраний возгласами одобрения встретили предложение о сооружении мемориальной доски в память о земляках-литераторах погибших в годы незаконных репрессий. Чьи имена будут высечены на этой доске — пока не до конца ясно. Одно лишь грустное обстоятельство надобно иметь в виду: их будет больше, чем имен тех, кто погиб в двух войнах — финской и Великой Отечественной.

Эдуард БЕЛТОВ.

критик Леопольд АВЕРБАХ,
прозаик Глеб АЛЕКСЕЕВ,
прозаик Арсений АЛШИНГ,
поэт Сергей АЛЯКРИНСКИЙ,
драматург Сергей АМАГЛОБЕЛИ,
прозаик Александр АРОСОВ,
поэт Александр АФНАСЬЕВ,
прозаик Сергей АУСЛЕНДЕР,
прозаик Исак БАБЕЛЬ,
драматург Маргарита БАРСКАЯ,
критик Георгий БЕСПАЛОВ,
критик Иван БЕСПАЛОВ,
критик Александр БОЛОТНИКОВ,
поэт Константин БОЛЬШАКОВ,
прозаик Георг БОРН,
прозаик Михаил БОРИСОГЛЕБ-
СКИЙ,
прозаик Бронислава БУБЕЛЬ-ЛВОЦ-
КАЯ,
прозаик Сергей БУДАНЦЕВ,
прозаик Арсений БУХОВ,
критик Илья БУДИН,
поэт Владимир ВАРШАВИЦ,
критик Илья ВАСИЛЕВСКИЙ,
поэт Иван ВАСИЛЬЕВ,
поэт Павел ВАСИЛЬЕВ,
прозаик Семен ВАСИЛЬЧЕНКО,
прозаик Владимир ВЕРЕВКИН,
прозаик Артем ВЕСЕЛЫЙ,
критик Александр ВОРОНСКИЙ,
публицист Александр ГАЛКИН,
поэт Алексей ГАСТЕВ,
поэт Михаил ГЕРАСИМОВ,
критик Дмитрий ГАЧЕВ,
прозаик Исак ГЕХТМАН,

переводчик Георгий ГЛЕДИЧ,
прозаик Анна ГРУССКАЯ,
поэт Александр ГЭМИН,
критик Сергей ДИНАМОВ,
прозаик Павел ДРОХОВ,
прозаик Эрнст ДРЕЗЕН,
критик Илья ДУКОР,
прозаик Александр ЗАВАЛЫШИН,
прозаик Владимир ЗАГУБРИН,
прозаик Николай ЗАВВАДИН,
переводчик Павел ЗЕНКЕВИЧ,
прозаик Лев ЗИЛОВ,
прозаик Анатолий ЖАМЕНСКИЙ,
прозаик Семен КАНАТЧИКОВ,
прозаик Михаил КАРПОВ,
прозаик Андрей КАРРИК-ИРКУТОВ,
прозаик Иван КАСАКИН,
прозаик Иван КАТАЕВ,
прозаик Виктор КИИ,
поэт Владимир КИРИЦЛОВ,
драматург Владимир ЖИРЯКОВ,
прозаик Григорий ХИЩ,
поэт Сергей КЛЮКОВ,
прозаик Илья КОЗЛОВСКИЙ-
БАТРАК,
прозаик Михаил КОЗЫРЕВ,
очеркист Михаил КОЛЬЦОВ,
поэт Федор КОНОВАЛОВ,
очеркист Борис КУШНЕР,
прозаик Михаил ЛЕВИЦОВ,
прозаик Василий ЛОКОТЬ
(А. ЗОРИЧ),
критик Абрам ГОРЕЛИК
(А. ЛЕЖНЕВ),
прозаик Михаил ЛОСКУТОВ,
литературовед Иван ЛУППОЛ,

поэт Дмитрий МАЗНИН,
прозаик Иван МАКАРОВ,
переводчик Исак МАНДЕЛЬШТАМ,
поэт Владимир НАБУТ,
поэт Василий НАСБКИН,
критик Николай НАСИМОВИЧ-
ЧУЖАК,
поэт Сергей НЕЛЬДИХЕН,
прозаик Георгий НИКИФОРОВ,
прозаик Андрей НИКИТИН,
поэт Петр ОРЕШИН,
критик Софрон ПАКЕНТРЕЙГЕР,
критик Михаил ПЕТРОВСКИЙ,
критик Рихард ПИКЕЛЬ,
прозаик Борис ПИЛЬНЯК,
прозаик Валерий ПРАВДУХИН,
поэт Иван ПРИБЛУДНЫЙ,
прозаик Николай РОЖДЕСТВЕН-
СКИЙ,
критик Дмитрий СВЕРЧКОВ,
критик Алексей СЕЛИВАНОВСКИЙ,
критик Гурман САНДОМИРСКИЙ,
литературовед Дмитрий МИРСКИЙ,
прозаик Николай СЛЕПНЕВ,
поэт Владимир СМИРЕНСКИЙ,
переводчик Николай СОБОЛЕВ-
СКИЙ,
публицист Юрий СТЕКЛОВ,
прозаик Александр ТАРАСОВ-
РОДИОНОВ,
драматург Сергей ТРЕТЬЯКОВ,
прозаик Александр ЧАЙНОВ,
поэт Георгий ШЕБУЕВ,
прозаик Александр ШЕВЦОВ,
литературовед Фред ШИЛЛЕР,
прозаик Bruno ЯСЕНСКИЙ.

НО ПОЛОН ЛИ ЭТОТ СПИСОК?

CODE: СССР

ИТЕМ: "ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ" — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ ГОТОВИТ ЦИКЛ ПЕРЕДАЧ

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ» № 51, 18 декабря 1988 г.

4

РЕПОРТАЖ НОМЕРА

Съемочная группа Ленинградского телевидения начала работу в Москве над циклом передач из дома, в котором в разные годы жили Подвойский, Литвинов, Хрущев, дочь Сталина — Светлана, Тухачевский...

ЗА ЧЕРКНУТЫЕ ЛИЦА

За ними приходили ночью, и они исчезали

Синий «график» популярной ленинградской телепрограммы «Пятое колесо» ехал к огромному дому на московской улице Серафимовича. Здание, которое в тридцатые годы носило гордое название «Дом нового социального быта», а обиходе называли «Дом правительства». А с некоторой пор о нем говорят иначе — дом расстрелянных.

— История этого дома и трагические судьбы многих его жильцов — так коротко можно сформулировать содержание нашего сериала, — говорит редактор Ленинградского телевидения и автор цикла Ирина Холмова. — Мы хотим взглянуть на времена сталинских репрессий глазами тех, чья предвоенная юность прошла в этом доме: Михаила Коршунова (прообраз Химиуса, героя «Доме на набережной» Трифонова), его жены Викторнии Тереховой, Розы Смушкевич...

О чем же вспоминают они, очевидцы тех лет?

Михаил КОРШУНОВ: В тридцатые годы к дому приплывали прогулочные катера, и экскурсоводы поясняли: вот, товарищ архитектор Иофан построил дом-символ новой жизни, в таких бытовых условиях будут жить все советские люди. И пароходик уплывал дальше...

А ночью в этом доме, похожем на глухой колодец, было страшно. Вы заметили, какие в нем большие окна? Когда ночью во всех окнах какой-то квартиры разом вспыхивал свет, освещая двор, это было похоже на выстрел. И мы понимали, что это значит. Красные сургучные печати на дверях опустевших квартир... Грузовики, увозившие вещи после обысков... И ничего не оставалось на память, буквально ничего — ни фотографий, ни книг. Когда вывозили вещи из квартиры Тухачевского, мы

с другом, зная, как поедет машина по двору и где притормозит, умудрились вытащить из кузова географический атлас с автографом маршала. Думали, будет память. Ничего подобного. Через несколько недель арестовали, отнима моего друга, а заодно изъяли и библиотеку, где хранился атлас.

Викторния ТЕРЕХОВА: В подъезде было девятнадцать квартир. В нашем, четырнадцатом, например, квартир шесть — восемь постоянно были свободны...

Роза СМУШКЕВИЧ: Когда отец (Яков Смушкевич, дважды Герой Советского Союза, воевавший в Испании под именем «генерал Дуглас». — М. В.) стал главнокомандующим ВВС, нам предложили переехать в восьмикомнатную квартиру с мебелью из карельской березы. Так было положено «на этом уровне». Но он отказался...

Отца забрали прямо из больницы. А мы с мамой в ту ночь проснулись от того, что в дверях спальни стояли какие-то люди и светили в глаза фонариками. Было это за несколько недель до начала войны. А в феврале 1943 арестовали нас.

Домовая книга 1939 года. Удивительный документ того времени, чудом сохранившийся у Михаила Коршунова. Фиолетовые записи: «Выбыл», «Выписан ошибочно» (это значит поторопились, жилец еще не арестован) и, наконец, фиолетовая печать «Проверен, 1942 год»... Фамилии жильцов, известных всей стране и совсем безвестных, а также тех, кто предпочитал в то время «оставаться в тени». Например, начальник следственной части НКВД Кобулов или будущий нарком внутренних дел Меркулов... Палачи и жертвы жили под одной крышей. Это Кобулов любил по ночам,

воспользовавшись дубликатами ключей, прокрадываться в чужие квартиры и зажигать тревожный яркий свет беды.

— Вот смотрите, — Михаил Коршунов показывает на окна над Театром эстрады. — Здесь до войны помещалась комиссия по делам о помиловании. В этом же доме. Но она, как известно, никого никогда не могла помиловать. В этих комнатах читали письма, прошения, которые часто шли из соседнего подъезда. В этой комиссии простым делопроизводителем работала моя мама. Она вскрывала почту, а потом всю ночь напролет плакала. Потому что помочь этим людям уже никто не мог. Мама рассказывала мне потом, что сотрудников этой комиссии по распоряжению начальства периодически осматривал психиатр.

НИКТО ИЗ ТЕХ, с кем довелось познакомиться и побеседовать за то время, пока ленинградцы готовили первую передачу, в доме на набережной уже не живет. Коршунов и Терехова — на Калининском про-

CODE: СССР

ITEM: "МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ" - "ЗАЧЕРКНУТЫЕ ЛИЦА"

/2/

спекте, Смушкевич — на Соколе.

— Я знаю, что вы хотите поменять квартиру. Что бы вы сказали, если бы вам предложили ее в том доме, где вы жили до войны? — спросила ведущая беседу Ирина Холмова у Розы Смушкевич.

— Нет, — ответила Роза Яковлевна. — Ни за что.

Руки у нее дрожали.

Три дня вместе с ленинградскими журналистами провел я в этом увешанном мемориальными досками доме. Прикасался к оставшейся еще с тех лет (дерево, бронза) дверной ручке подъезда, видел лифт, смонтированный специально для Шверника, а потом почему-то законсервированный, слушал жалобы ветеранов, которым парторганизация ДЭЗа не разрешает открыть в освободившейся комнате музей в память о тридцатых. Поднимался в квартиру, где еще сохранилась мебель с инвентарными номерами, которую предлагали первым жильцам дома. А в одном семейном альбоме наткнулся на фотографию. Несколько лиц на ней были заштрихованы.

— Кто это? — спросил я хозяйку.

— Теперь будем вспоминать, — ответила она.

Зачем лица замазывали чернилами, вы, конечно, знаете.

Мари ВОДОВОЗОВ.

22 декабря в программе Ленинградского телевидения «Пятое колесо» смотрите первый сюжет нового цикла.

Роза Смушкевич и Михаил Коршунов через полвека в доме на набережной.

Фото Павла КАСИНА.

ВИ

СОЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЖЕНЩИН ЖЕРТВ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

РАБОТНИЦА

ИСКОРЕНИТЬ СТАЛИНИЗМ! 2'89

ДОЛГ

Честно говоря, тяжело о том времени говорить. Привезли нас в голую степь под Акмолинском. И мы это ровное пустое место стали «обживать».

До войны тут был лагерь строгого режима — ни переписки, ни радио — ничего нам не полагалось. Я, например, первое письмо от старшего сына — он был тогда в Германии — получила во время войны. Весь лагерь его читал. Нам ведь, когда отправляли туда, сказали, что мы никогда больше детей своих и мужей не увидим. Арестовали меня в сентябре 1937 года, через несколько месяцев после ареста мужа, а летом 38-го начался мой тяжкий путь.

Самое страшное было — этапы, пересильные тюрьмы. В лагерь я прибыла совершенно дистрофиком, меня даже на работу не брали. Но так получилось, что моя соседка по нарам оказалась хорошая женщина. Она работала в пекарне. Стала меня подкармливать, и я поднялась как на дрожжах — молодая же была. Скоро пошла на работу. Была возчиком, водовозом, грузчиком, на стройках работала. Однажды меня лошади по степи понесли, повозка опрокинулась. Думали — все, не встану. Но лежала дней десять, не больше, и опять пошла на работу. В столовой посуду мыла, подавальщицей была, а потом — может, дело мое еще раз просмотрели — взяли меня работать на склад, позже перевели зав. складом. Тут я и работала до самого последнего дня заключения и дальше, до отъезда в Москву, уже по вольному найму...

Когда меня арестовали, младшему было 2 года, его отправили в детский дом. В 1942-м я стала писать ему письма, а вместо обратного адреса ставила, как полагалось, номер почтового ящика. И он предостерегает, сбежал! Ему было 10 лет, как-то чудом добрался до Акмолинска и стал там по городу разыскивать этот самый почтовый ящик. Понимаете, в буквальном смысле почтовый ящик! Его поймали, отправили обратно. В детдоме в наказание за побег посадили в карцер. Я об этом ничего, конечно, не знала. Но в это время как раз кончился срок моего заключения. Я вышла на вольное поселение. И я умолила своего начальника разрешить взять к себе сына. Одна наша сотрудница, служащая конторы, поехала в командировку и заводно по моей просьбе забрала его из детского дома. Буквально за день до того его вернули из Акмолинска. А если бы она

«...Многие сегодняшние читатели не знают о существовании в 38—40-х годах многотысячной армии репрессированных членов семей, в юридическом и политическом феномене «жена», в «лагерях жен». Эти слова Галины Колдомасовой, автора одного из писем в редакцию «Работницы», опубликованного в № 10 за минувший год, вызвали множество взволнованных откликов. Отозвались люди, тоже прошедшие через лагерь, их дети, внуки. Делятся пережитым, хотят установить связь с автором письма в надежде узнать подробности о погибших близких, восстановить утерянные связи с друзьями тех трагических лет. Вот одно из них.

Хочу попробовать найти свою подругу по лагерю Настю Хохловкину. Много мы с ней пережили. Мы были вместе до самого нашего освобождения из заключения, вместе жили и работали уже как вольнонаемные...

приехала на два дня раньше, мы могли никогда не встретиться. Мы встретились в Акмолинске, и сын меня не узнал. Дотронется — и отдернет руку. Когда я привела его к себе — у меня была уже своя крохотная комнатка, — показала ему фотографию: вот бабушка, вот я, брат, а это ты. Только тогда он мне поверил. Потом, уже взрослым, он погиб на атомном ледоколе...

О судьбе мужа я узнала только из документов, когда оформляла персональную пенсию, узнала, что он был расстрелян. Еще ничего не зная о его судьбе, я как-то видела сон: стоит лицом ко мне, а чья-то рука за его спиной заносит над ним нож. И он этого не видит. Я запомнила число, когда видела этот сон: 26 августа 1938 года. Много лет спустя узнала, что именно в этот день был вынесен ему смертный приговор. Хотите верить, хотите нет, но было именно так...

В лагере мы не сразу узнали, что началась война — у нас ведь не было никакой информации извне. А когда узнали, такой плач стоял! Понимаете, если б кто-нибудь сказал нам: «Идите на фронт, идите», — пошли бы не раздумывая санитарками, бойцами. Помню еще, в тюрьме в Саратове загнали нас, человек шестьсот, в огромное

помещение — бывший швейный цех. И две женщины тихо заплели: «Широка страна моя родная». Ну кто не знал тогда эту песню? И тут началось страшное: истерика, плач, крик жуткий, мороз по коже, истерический смех. Охрана, врачи — все были бессильны...

Сейчас мне очень трудно, поймите, объяснить, что мы чувствовали тогда, как пытались понять, осознать, что происходит...

СОЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЖЕНЩИН ЖЕРТВ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

2

Ведь если о ком-то я могла что-то не знать, то о себе я знала все. И если меня пришли арестовывать, значит, это жуткая, трагическая ошибка. И о муже... Ведь он большевик, подпольщик, с Дзержинским работал, замечательной храбрости человек. Его поляки пытали, огнем жгли, и он выдержал, не сломался. Мог ли он быть врагом народа? Нет. Но где-то очень глубоко жила, как понимаю теперь, трагически наивная надежда: Сталин ничего не знает, он за железной стеной.

...За эти годы я встречала много мужественных, высоких в своей честности людей. И Настя Хохловкина была такой. Очень маленькая, худенькая, скромная женщина, большой души человек. До ареста она жила в Москве, потом уехала в Симферополь к родственникам. У нее там дочка осталась, а сына — ему 16 лет было — угнали в Германию. Она очень из-за этого страдала. Свое страдание изливала в стихах. Как-то, когда мы уже вышли на свободу, я попросила у нее разрешения переписать некоторые.

*Мы от полей сражения далёко,
Над нами не взрываются гранаты,
И в небе самолетов вражых клекот
Не нарушает наш покой проклятый.*

*Не будит нас протяжный рев скрепы —
В ночной тиши внезапная тревога.
Над нами кровля. Крепки наши стены,
И дни размерены тошнотливо и строго.*

*Нас не коснутся ни бом, ни тризны.
Проходит мимо ураган событий,
И кто-то сохраняет наши ложины,
Немужные и всеми позабытые...*

*Как тысячи других и мы отдать готовы
И кровь и жизнь за родину свою.
Скажите нам единственное слово,
Проверьте нас в любом бою...
1942 г.*

Я проводила ее в Симферополь. И больше ничего о ней не знаю. Может, найдется, откликнется...

И еще вот о чем думаю я сегодня. Нас, наверное, не так уж много осталось — мне вот уже 64 года. Нас раскидало время, нас долгие годы судьба заставляла молчать. Многие потеряли не только друзей — самых близких: мужей, детей, которых, быть может, ищут до сих пор. Одинокая, часто на грани бедности старость — удел многих и многих моих подруг. Но ведь сегодня мы могли бы объединиться, найти друг друга, помочь тем, кто нуждается в поддержке. Уверена, что не я одна думаю сейчас об этом. Может быть, журнал «Работница», один из самых читаемых женщинами, помог бы нам?
Клавдия Александровна Науикокайтис.
Москва.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Мы совершенно согласны с Клавдией Александровной и надеемся, что ее слова найдут отклик у многих из миллионов наших читателей, и «Работница» со своей стороны готова приложить все усилия, чтобы смогла осуществиться эта идея — СОЗДАНИЕ ТАКОГО ОБЩЕСТВА, КОТОРОЕ ОБЪЕДИНИЛО БЫ ЖЕНЩИН, СТАВШИХ

ЖЕРТВАМИ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ЖЕН РЕПРЕССИРОВАННЫХ.

Но мы хотим сказать и о том, о чем сами они не скажут. Мы же должны, обязаны это сделать. Сегодня мы заново, с болью и горечью, обретаем память о жертвах преступлений сталинщины. Память, без которой нам не прожить. Потому что это не только скорбь о миллионах потерянных жизней и о каждой изломанной судьбе. Это гнев и стыд, без которых нет и не может быть очищения. «А не хватит ли?» — говорят нам. — Сколько можно ковырять язвы? — Ах, как боится «хранители спокойствия» потревожить нервы и разум общества!

Но более тридцати трех тысяч человек, что в конце ноября побывали в Доме культуры МЭЛЗа, не стремились оградить себя от жестокой правды. Именно здесь проходила по инициативе журнала «Огонек» Неделя совести. Это был рекем по жертвам сталинских репрессий. Рекем, обращенный к нашей совести.

В битком набитой комнате, где все дни работали активисты общества «Мемориал», люди медленно двигались вдоль стен. На них сверху донизу — списки. Тысячи фамилий, собранных в архивах членом общества «Мемориал» Димой Юрасовым. От строчки к строчке сотни, тысячи глаз искали родные имена... Часами стояли люди у Стены памяти — читали и перечитывали скучные документы истории: письма, листки из дневников и справки, справки, отпечатанные на машинке, — «посмертно реабилитирован». На долгие годы это были единственные, сказанные обществом, слова покаяния...

Сейчас мы отдаем долги — совести, памяти. Мемориал — это тоже наш долг, перед прошлым и перед будущим, которому мы обязаны не позволить впасть в забывчивость. И потому растет сейчас фонд на строительство Мемориала жертвам репрессий — более 57 тысяч рублей было собрано только за время Недели.

Но есть и еще один долг, забыть о котором мы не имеем права. Люди, прошедшие через испытания, которые, кажется, не может вместить и вынести человеческая жизнь, об этом долге нам никогда не забывать.

Но мы разве можем не видеть, как беспощадна старость, тем более, если позади голод и холод лагерей, боль и унижения пыток; как мала пенсия, и одиночество, на которое обрекла сталинщина, многим не оставило надежды на поддержку собственных детей.

Да, уже говорилось в печати, по телевидению о необходимости государственной помощи тем, кто на себе испытал жестокость репрессий и равнодушное молчание многих десятилетий после них. Все так. Но если мы сегодня собираем народные деньги на памятник павшим, разве не должны подумать о живых?!

Клавдия Александровна Науикокайтис говорит о том, что, объединившись, женщины, ставшие жертвами репрессий, могли бы помочь друг другу. Мы знаем, что многие делают это всю жизнь добровольно и бескорыстно, насколько хватает сил и здоровья. Но ведь если бы у такого общества был и свой собственный денежный фонд, если бы с этими женщинами рядом стали мы с вами — может, хотя бы это позволило отдать им малую часть нашего долга? Мы считаем, что такой фонд необходим! Подумайте об этом, подумайте!

Мы будем ждать ваших писем, любых ваших предложений!

CODE: СССР-ПИСАТЕЛИ

ИТЕМ: СПИСОК МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ПОГИБШИХ В ГОДЫ РЕПРЕССИЙ, НЕ ПОЛОН,
НЕ УПОМЯНУТЫ, НАПРИМЕР, Л.КВИТКО, И.НУСИНОВ

"МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТОР", 30.12.88 с.1

ЧТОБЫ НИКТО НЕ ОСТАЛСЯ ЗАБЫТЫМ

В «Московском литераторе» (№ 45 от 25 ноября 1988 года) под заголовком «Московские писатели, погибшие в годы репрессий», приведены фамилии 98 авторов. Список этот, как сообщает газета, был опубликован в «Вечерней Москве» 12 ноября а. г. «Возможно, что список этот далеко не полный», — уведомляет редакция и обращается к читателям с просьбой помочь уточнить приведенный перечень, чтобы никто не остался забытым.

Даже беглый обзор перечисленных писателей обнаруживает, что в списке имеются пропуски. Мне, например, сразу бросилось в глаза, что в перечне отсутствует Лев КВИТКО, с 1936 года живший в Москве и репрессированный в 1949 году. Реабилити-

рован посмертно. Нет в списке известного литературоведа и критика Исаака НУСИНОВА, также репрессированного в 1949 году и реабилитированного посмертно. Я мог бы без труда продолжить этот ряд. Не сомневаюсь, что другие читатели назовут еще имена.

Меня волнует вот что. Почему список озаглавлен «Московские писатели, погибшие в годы репрессий». А почему не назвать его более точно, скажем, так: «Московские писатели — жертвы сталинского произвола» или «Московские писатели — жертвы сталинских репрессий».

И еще одно. Известно, что ряд писателей, незаконно репрессированных, и, проведших в тюрьмах и лагерях многие годы, выжили. Но они тоже были

жертвами сталинского произвола, их судьбы оказались сломенными.

Например, Иван МАКАРЬЕВ, в свое время известный литературный критик, один из руководителей РАППа, высоко ценный Горьким, друг Фадеева и Шолохова, провел в лагерях без малого 20 лет. Разве он не должен быть в списке московских писателей — жертв сталинских репрессий? Или, скажем, Елизавета ДРАБКИНА, Мария ЕРШОВА...

Думается, что во имя высшей справедливости все писатели, прошедшие через сталинские лагеря, должны быть занесены в списки жертв сталинского произвола. Не только погибшие (расстрелянные или умершие от невыносимых мук и страданий), но и те, кому выпало счастье уцелеть, выжить.

И. ТЕГУЗИН,
ветеран войны и труда
РОСТОВ-НА-ДОНУ

CODE: СССР-ИСТОРИЯ

ИТЕМ: В 1937-1938 ГОДАХ ПОДВЕРГЛИСЬ РЕПРЕССИЯМ ОКОЛО 40 ТЫСЯЧ
КОМАНДИРОВ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Прометрии всех стран, соединитесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 13 (3218)

25 МАРТА — 1 АПРЕЛЯ

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Юрий ГЕЛЛЕР

СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ

За семь десятилетий существования Советского государства во главе вооруженных сил перебивало более полутора десятков различных военачальников. В среднем каждые четыре-пять лет менялись наркомы обороны (министры обороны). Единственным военачальником, который побил рекорд пребывания на посту наркома обороны, был К. Е. Ворошилов. На этом посту он пробыл почти полтора десятилетия.

К. Е. Ворошилов — сталинский выдвиженец, он начал формироваться как угодник Сталина еще в 1907—1908 годах в Баку. Хотя надо все же сказать, что до 1918 года он был деятельным революционером.

Если проследить, как руководил Ворошилов вооруженными силами, то нетрудно заметить, что в первые четыре-пять лет он продолжал военные реформы, начатые до него, а затем в течение десятилетия шло разрушение армии. В этом и заключалась трагедия Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Издавна известно: каковы командные кадры, такова и армия. Хорошо подготовленные в профессиональном отношении и опытные офицеры превращали армию в сильный боевой инструмент, способный решать самые сложные задачи. И наоборот, при отсутствии таких кадров армия больше походила на «сборище едоков», нежели на организованную военную силу.

1930 год запомнился многим ветеранам партии и войны не только строительством крупных предприятий, коллективизацией сельского хозяйства, но и репрессивными акциями, которые стали уже более чем заметны. Арестам в 1930 году в армии подвергались многие преподаватели из числа бывших военных специалистов. Позже нам стало известно, что аресты преподавателей и работников окружных и центральных управлений проводились в Москве, Ленинграде, Харькове и в других городах. Среди репрессированных оказались такие широко известные ученые, как Верховский, Лигнау, Лукирский, Какурин, Сапожников, Свечин, Снесарев, Сухов и другие. Разгром военно-научных кадров лишил войска тех деятелей, которые разрабатывали военную теорию, обобщали исторический опыт, конструировали новую технику. Поэтому в Наркомате обороны даже не заметили новых тенденций в развитии способов вооруженной борьбы. Случилось нечто невероятное: Генеральный штаб и командование округов пытались вести войну с фашистской Германией методами первой мировой войны.

Особенно трагические последствия имели репрессии в 1937—1938 годах. Одному из ветеранов Красной Армии, генерал-лейтенанту А. И. Тодорскому, после восемнадцатилетних скитаний по тюрьмам и лагерям довелось возглавить одну из комиссий по реабилитации жертв сталинского произвола. В то время он составил небольшую справку, которую передал некоторым своим друзьям и знакомым. Один экземпляр ее достался мне как главному редактору «Военно-исторического журнала». Выдержки из нее уже публиковались, но некоторые факты уместно напомнить еще раз.

Из пяти Маршалов Советского Союза как жертвы террора погибли трое: М. Н. Тухачевский, А. И. Егоров, В. К. Блюхер. Остались живы К. Е. Вороши-

10.4.89
DAY MONTH YEAR

155 26

No. F - -2-

CODE: СССР-ИСТОРИЯ

ИТЕМ: "ОГОНЕК" - "СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ"

лов и С. М. Буденный. Погибли оба армянских комиссара 1 ранга — Я. Б. Гамарник и П. А. Смирнов. Из пяти командармов 1 ранга погибли трое: И. Э. Якир, И. П. Уборевич, И. П. Белов. Погибли оба флагмана флота 1 ранга — В. М. Орлов и М. В. Викторов. Погибли все командармы 2 ранга: П. Е. Дыбенко, М. К. Левандовский, И. Н. Дубовой, А. И. Корк, Н. Д. Каширин, А. И. Седякин, Я. И. Алкснис, И. А. Халепский, И. И. Вацетис, М. Д. Великанов. Погибли оба флагмана флота 2 ранга. Погибли все пятнадцать армейских комиссаров 2 ранга. Из 67 комкоров были репрессированы 60, из них погибли 57. Погибли все шесть флагманов 1 ранга. Из 28 корпусных комиссаров репрессированы 25, из них погибли 23. Из пятнадцати флагманов 2 ранга погибли девять. Из 199 комдивов репрессированы 136, из них погибли 125, возвратились из заключения одиннадцать человек. Из 97 дивизионных комиссаров репрессированы 79, из них погибли 69. Из 397 комбригов репрессированы 221, из них погибли 200...

Далее в справке указывается, что только в армии с мая 1937 года по сентябрь 1938 года был репрессирован 36 761 военачальник, на флоте — свыше 3 тысяч. Следовательно, менее чем за полтора года подверглись репрессиям около 40 тысяч командиров Красной Армии и Военно-Морского Флота. Мировая история не знала случаев, чтобы перед надвигающейся войной с таким неистовством и размахом уничтожались военные кадры в собственной стране.

В начале 60-х годов мне неоднократно доводилось встречаться с Ворошиловым. Он охотно рассказывал о своем жизненном пути, даже то, как он оказался в одной из пещер Кисловодска на совещании участников «новой оппозиции» во главе с Зиновьевым. Но когда в ходе беседы речь заходила о массовых репрессиях, он сразу тушевался, отвечал на вопросы весьма сдержанно. Однажды я его спросил, сожалел ли когда-либо Сталин о гибели выдающихся полководцев. Вот что он ответил: «Сталин не столько сожалел об их гибели, сколько стремился возложить ответственность за этот тяжкий грех на одного меня. Конечно, я с этим согласиться не мог и всегда отбивался». «Решение о расправе над Тухачевским и другими,— продолжал он,— навязывали нам Сталин, Молотов и Ежов».

Мне довелось беседовать по этому вопросу с П. К. Пономаренко и Г. К. Жуковым; они говорили о том, что в критические моменты на фронтах Сталин вспоминал о некоторых погибших военачальниках, делая вид, что сам он не повинен в их уничтожении.

Н. ПАВЛЕНКО,
генерал-лейтенант,
профессор,
доктор исторических наук

В этом 1937 года в одной из центральных газет был опубликован дружеский шарж, изображавший двух «сталинских наркомов», обменивающихся крепким рукопожатием. Это были самые популярные тогда лица из ближайшего окружения «вождя всех народов»: Климент Ефремович Ворошилов и Николай Иванович Ежов. В их честь слагали стихи и пели песни. Нарцательными стали выражения «ежовы рукавицы» и «ворошиловский стрелок». Однако в истории страны память о них запечатлена по-разному. Ежов стал символом массовых репрессий, Ворошилов остался эмблемой доблести и героизма.

Справедливо ли это?

Тандем Сталин — Ворошилов, сформировавшийся в начале гражданской войны, летом 1918 года, просуществовал до трагической осени 1941 года, но — фактически до смерти Сталина. Ворошилов, переживший своего патрона на шестнадцать лет, кумиру своему не изменил. Он тридцать пять лет входил в ближайшее окружение Сталина и остался почти единственным, кого за столь долгий период Сталин не поставил к стенке.

Биография К. Е. Ворошилова хорошо известна. Данные о том, когда родился, когда умер, что делал до революции, какие должности занимал после нее, какие и когда получил награды, имеются во всех энциклопедиях и словарях. Повторяться не стоит. Лучше сказать о том, что не вошло ни в какие справочники и биографии. Тандем Сталин — Ворошилов принес нашему народу, нашей стране неисчислимы бедствия. Ворошилов — один из главных организаторов массового уничтожения десятков тысяч ни в чем не повинных людей — посмертно носит придуманную для него биографию «легендарного полководца» и «народного героя». Давайте посмотрим настоящую, непридуманную биографию Ворошилова. При чем должен предупредить, первооткры-

CODE: СССР-ИСТОРИЯ

ITEM: "ОГОНЕК" - "СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ"

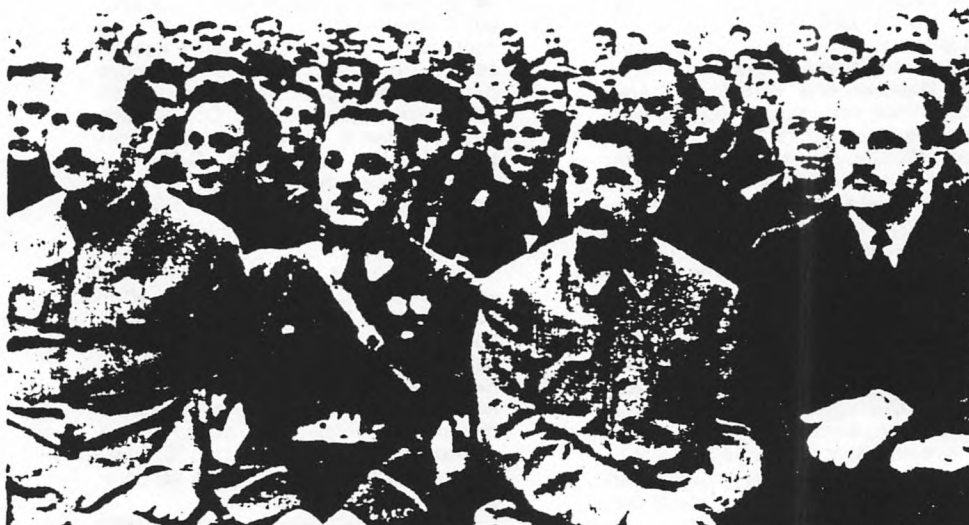
вателем не являюсь. Почти все, что здесь написано, было давно известно и даже опубликовано много лет назад, кстати, при жизни Ворошилова.

Два будущих полководца — «великий, всех времен и народов» и «легендарный» — впервые сошлись на военной ниве в начале лета 1918 года. Сталин был чрезвычайным уполномоченным ВЦИК по вопросу о хлебе, Ворошилов руководил группой войск, отходивших из Донбасса к Царицыну. Оба вошли в Военный совет СКВО (Северо-Кавказский военный округ) и, естественно, немедленно вмешались в оперативное руководство войсками на том основании, что один — представитель центра, а другой — командующий группой войск, составивших значительную часть сил СКВО; то был партизанский

табор, из которого еще нужно было формировать боевые части.

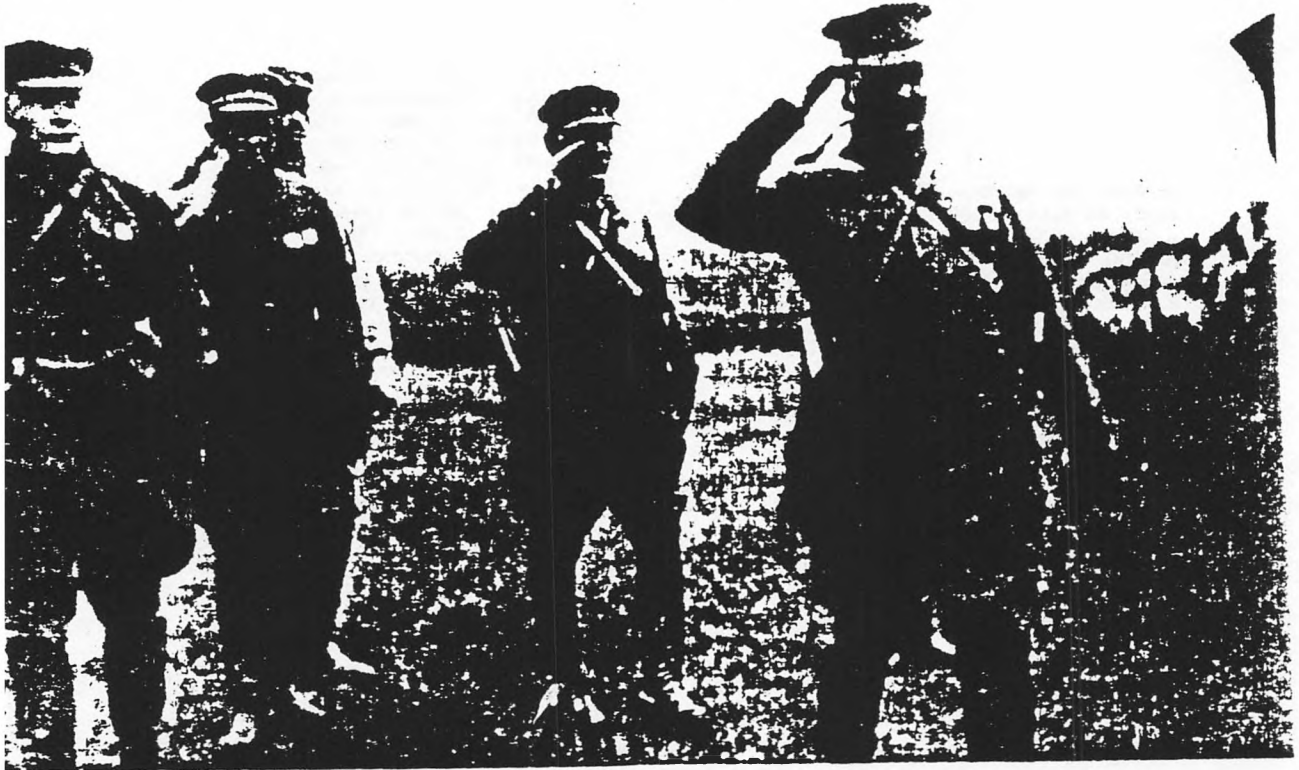
Может ли стать военачальником человек, никогда до этого не служивший в армии? Может! Есть немало тому примеров. В РККА — М. В. Фрунзе, И. Э. Якир и другие известные герои гражданской войны. Причем Фрунзе и Якир стали профессиональными военными. Для этого нужно упорно учиться. Сталин и Ворошилов, напротив, никогда не учились. И остались малокомпетентными в военных вопросах людьми. Сильно отредактированный Жуков считал, что Ворошилов так до конца жизни и остался на невысоком уровне, а Сталин-де к концу войны чему-то научился. Последнее не подтверждается, как ни странно, ни самим Жуковым, ни другими военачальниками. Из их воспоминаний, иногда помимо их воли, ясно видно, что Сталин до конца своей жизни оставался невежественным в военном деле человеком. Зато амбиции у Сталина и Ворошилова были огромны, они очень хотели считаться полководцами.

Давайте сразу определим смысл слова «полководец». Полководец — это не должность, а качество. Это умение руководителя армии, включающее в себя большое количество компонентов: от уровня эрудиции до масштабного поли-

CODE: СССР-ИСТОРИЯ

ITEM: "ОГОНЕК" — "СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ"

Парад на Октябрьском поле в Москве. 1925 г. (Справа налево): М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, И. Э. Якир. За Якиром Н. В. Лисовский — зам. нач. штаба МВО, крайний слева неизвестен.

тического и военного прогнозирования. С этой точки зрения ни Сталин, ни Ворошилов полководцами не были. Сталин вообще не был военным человеком, хотя и любил военную форму. О Ворошилове же речь может идти только как о военачальнике.

Под Царицыном в 1918 году Сталин и Ворошилов попытались осуществить свои желания — водить полки. Не получилось. Их предпочтение партизанских методов созданию регулярных частей и непонимание военной обстановки привели к ухудшению положения красных войск и к конфликту со штабом округа, с его военным руководителем А. Е. Снесаревым, опытным военачальником и военным ученым. Конфликтовать со Сталиным и Ворошиловым было всегда опасно: решали не правда, не логика, не интересы дела, а их личные амбиции. Сам Снесарев и десятки бывших офицеров, служивших в штабе и частях округа, были арестованы и объявлены «врагами и предателями», причем без каких-либо доказательств. Из Москвы, чтобы разобраться в конфликте, приезжали специальные комиссии. Снесарева удалось спасти: он был назначен военруком Западного участка Завесы. А остальных военспедов Сталин и Во-

рошилов репрессировали, все они погибли.

На этом первый конфликт в Царицыне завершился. Тяжело раненный эсеркой Владимир Ильич Ленин лежал в полубессознательном состоянии в квартире в Кремле, так что в те дни «обуздать» Сталина было трудно: расследования никто не проводил. Оба «лихих» революционера вкупе с председателем Царицынского исполкома С. К. Мининим остались безнаказанными. А 17 сентября 1918 года они вошли в состав РВС вновь сформированного Южного фронта.

Командующим войсками фронта был назначен бывший генерал П. П. Сытин. Ворошилов и Минин немедленно предложили избрать Сталина председателем РВС фронта, хотя такая должность директивой Реввоенсовета Республики не предусматривалась. Новый командующий категорически отклонил некомпетентное вмешательство Сталина и Ворошилова в оперативные вопросы: снова вспыхнул конфликт.

Нарушив партийную, государственную и военную дисциплину, Сталин и Ворошилов отстранили Сытина от руководства войсками фронта и сделали

10.4.89
DAY MONTH YEAR

No. F - 5-

CODE: СССР-ИСТОРИЯ

ИТЕМ: "ОГОНЕК" - "СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ"

командующим... Ворошилова. Однако на этот раз ЦК и РВС Республики проявили решительность: троицу (то есть тандем и Минина) из РВС фронта убрали. Сталина отозвали в Москву, Ворошилова направили в войска, Минина на другую работу. П. П. Сытин был восстановлен в должности командующего.

Но эпизод даром не прошел. Цепь конфликтов потянулась от Царицына до Астрахани, затянулась партизанщина, не были вовремя сформированы боеспособные регулярные части, и в результате на Северном Кавказе укрепился грозный враг Советской республики — генерал А. И. Деникин. Он сформировал там свои армии для похода на Москву. Никаких оснований превозносить Сталина и Ворошилова в связи с обороной Царицына нет. Но превозносили и превозносятся!

К. Е. Ворошилов как военачальник гражданской войны? Под словом «военачальник» подразумевается не только высокая командирская должность, но и главным образом его умение эту должность исполнять. Ворошилов был храбрым человеком, обладал он и небольшими организаторскими способностями. Это необходимый минимум для начала; дальше нужны знания, талант стратега, воинская доблесть. Вот до этого «дальше» Ворошилов так никогда и не дошел. Он весной 1918 года сформировал отряд, был избран командиром объединения партизанских отрядов, получившего наименование 5-я Украинская армия. Командарм Ворошилов отступал от Донбасса к Царицыну и там участвовал в обороне города. После вывода его из РВС фронта Ворошилов некоторое время командовал X Армией. Трудно сказать, верило или нет руководство Реввоенсовета Республики заключением военспецов Снесарева и Сытина о некомпетентности Ворошилова в оперативных вопросах? Но вскоре его перевели на гражданскую службу наркомом внутренних дел УССР, каковым он и был до июня 1919 года.

В марте 1919 года на VIII съезде партии возродилась связка Сталин — Ворошилов. Одним из главных вопросов на съезде был вопрос о Красной Армии. Как строить армию социалистического государства? Какой она должна быть?

Красная Армия должна быть революционной кадровой армией, возглавляемой назначенными вышестоящими орга-

нами командирами-специалистами, с революционной железной дисциплиной — таково было мнение В. И. Ленина.

Красная Армия должна быть милиционной (ополченческой), партизанской, с выборностью комсостава и обсуждением приказов — так считала сформировавшаяся на съезде «военная оппозиция», фактическим, точнее, закулисным, лидером которой был тандем Сталин — Ворошилов, через десять лет объявивший себя «настоящим, подлинным» создателем и организатором Красной Армии.

Официально Сталин к оппозиции не примкнул. Наша наука утверждает, что «военная оппозиция» была направлена лично против Троцкого и «засилья троцкистов» в армии, и потому участие в ней как бы извинительно. Действующие до сих пор штампы конца 30-х годов, пытающиеся представить Троцкого автономной силой в армии, в сущности, направлены на дискредитацию ЦК и заставляют думать, что главную роль в победе советского народа в гражданской войне сыграли не Ленин и ленинский ЦК, а некто другой, мудрый и дальновидный.

По-моему, на самом деле «военная оппозиция» была направлена против Ленина и его стремления создать регулярную армию. Участие же и лидерство в оппозиции Ворошилова объясняются отнюдь не благородными «идейными» целями, а субъективными мотивами. Во-первых, боязнь с приходом военных специалистов лишиться возможности командовать, т. е. утратить даром доставшуюся власть над тысячами людей, и, во-вторых, полным непониманием принципов организации и комплектования современных вооруженных сил.

На посту наркомвнудела Украины Ворошилов участвовал в борьбе с поднявшимся в мае 1919 г. восстанием против Советской власти атаманом Григорьевым. Лично руководя группой войск на Кременчугском направлении, потерпел неудачу. После разгрома «григорьевщины» войсками Украинского фронта (командующий В. А. Антонов-Овсеенко) обратился в руководящие органы по многим адресам с клеветой на своих товарищей, требуя расправы с ними и «постыдно преувеличивая» (слова Антонова-Овсеенко) свои заслуги.

Командная деятельность Ворошилова на фронтах гражданской войны за-

CODE: СССР-ИСТОРИЯ

ITEM: "ОГОНЕК" - "СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ"

вершилась в том же 1919 году: 7 июня он был назначен командующим XIV Армией. А через две с небольшим недели, не сумев выполнить директивы командующего фронтом о мерах по обороне города, сдал Харьков денкинцам. Ворошилова судил военный трибунал. Трибунал подробно разобрался в происшедшем. Общее мнение судей выразил М. Л. Рухимович. Все знают, сказал он, что Ворошилов опытный подпольщик и хороший парень. Но командовать он может ротой, батальоном, с натяжкой — полком. Командармом быть не может — не умеет. Это его беда, а не вина. Его нельзя было назначать командармом...

Ворошилова послали формировать 61-ю стрелковую дивизию. Но он ее так и не сформировал. ЦК решил использовать Ворошилова на комиссарской работе. В ноябре 1919 года он был назначен членом РВС I Конной Армии и оставался на этой должности до конца гражданской войны.

Как комиссар Ворошилов вложил немало труда в создание первого объединения нашей стратегической конницы — I Конной Армии. Но и здесь «сбоев» не меньше, чем заслуг. Тандем продолжал действовать: Сталин сыграл решающую роль в назначении Ворошилова членом РВС I Конной. Но и эта должность оказалась Ворошилову фактически не по плечу. Он так и не сумел наладить в армии настоящую воинскую дисциплину. И неудивительно: он и сам проявлял образец недисциплинированности.

Преследуя отступающие денкинские войска, I Конная и VIII Армия 7—8 января 1920 года заняли Ростов-на-Дону. Теперь необходимо было отрезать денкинцев за Доном, не дать им отступить к Новороссийску, переправиться в Крым. Иначе они могли усилить действовавшую там белогвардейскую группировку и открыть новый фронт против Советской республики. Для этого необходимо было форсировать Дон, взять Батайск и перерезать железную дорогу, идущую к Новороссийску... Обе армии — I Конная и VIII — вышли из состава Южного фронта (там членом РВС был Сталин) и вошли в Юго-Восточный (с января 1920 года — Кавказский) фронт. Командующий фронтом В. И. Шорин потребовал от Конармии энергичным ударом форсировать Дон и взять Батайск. И сразу возник конфликт! Конармия и ее командование не пожелали выполнять приказы Шорина. Двенадцать дней топтания на месте привели к срыву операции. Белые укрепились, и форсировать Дон теперь было очень трудно. Шорина назначили помглавкома РККА (фактически отозвали). Новым командующим фронта стал М. Н. Тухачевский.

Эпизод этот, известный как «Батайская пробка», из истории гражданской войны... выпал. В 1925 году В. И. Шорина вынудили уйти из армии. Правда,

в приказе, подписанном М. В. Фрунзе, говорилось, что он, как герой, «навечно зачисляется в состав РККА»... Вне армии Шорин активно трудился над вопросами новой техники и был одним из организаторов знаменитого ГИРДа, где начиналось освоение ракетной техники. Василия Ивановича Шорина Ворошилов не забыл: в 1938 году 68-летнего старика расстреляли...

М. Н. Тухачевский попытался осуществить идею Шорина по-другому. Но опять подвела недисциплинированность командования Конармии. В телеграмме членам РВС Кавфронта И. Т. Смилге и Г. К. Орджоникидзе Ленин писал: «Крайне обеспокоен состоянием наших войск на Кавказском фронте, полным разложением у Буденного...». Тогда же, очевидно, родилась неприязнь Ворошилова и Буденного к Тухачевскому, перешедшая в ненависть после событий на польском фронте.

В общем, денкинцам удалось отвести основные части к Новороссийску и переправить их в Крым. Советская республика получила новый фронт, врангелевский...

Зато оба политических руководителя Конармии — Ворошилов и Е. А. Щаденко — в это же время приняли активное участие в расправе (скорее всего были инициаторами расправы) с героем гражданской войны Борисом Мокеевичем Думенко, командовавшим тогда I Конно-сводным корпусом. В деле трибунала, судившего Думенко и его товарищей, сохранились доносы, собственноручно написанные и подписанные Ворошиловым и Щаденко, а также командармом Буденным, которого эти двое тогда же уговорили написать донос. Показания трио были решающими для приговора: Думенко и его товарищи были казнены.

Неудача в польской кампании 1920 года до сих пор освещается в жестких и лживых сталинистских рамках: виновниками неудачи называют только Главкома С. С. Каменева и командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского. На самом деле это неправда, не вся правда.

У Советской республики перед войной и во время войны с белополяками было много трудностей, как экономических, так и военных. Учитывавший все это стратегический план Тухачевского был принят ЦК и Главным командованием. План этот предусматривал на заключительном этапе кампании нанести обоими фронтами — Западным и Юго-Западным — удар по Варшаве. Это могло бы привести к быстрому завершению войны и достойным для РСФСР условиям мира.

Сорвал операцию Сталин.

Под его нажимом командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров не повернул в нужный момент свои армии на Варшавское направление, а продолжал бесполезное наступление на Львов. Снова Сталин отказался выполнять директивы Политбюро, ЦК и приказы Главкома. За это был отозван и снят

CODE: СССР-ИСТОРИЯ

ITEM: "ОГОНЕК" - "СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ"

с фронтовой работы. Большая часть сил фронта, в том числе и Конармия, были переданы Западному фронту. Но командование I Конармии — Буденный и Ворошилов — под различными предлогами не выполняло приказы своего командующего. И сорвало Варшавскую операцию, приведя всю кампанию к полной неудаче.

В сентябре 1920 года I Конную перебросили на врангелевский фронт. По дороге — тяжелое происшествие. Такого в РККА еще не было: целую дивизию Конармии за бандитизм осудил трибунал! Зачинщиков расстреляли. Дивизию условно расформировали, конармейцам предложили смыть вину кровью.

В докладе В. И. Ленину командующий фронтом М. В. Фрунзе сообщал: «Обращаю внимание на необходимость серьезных мер по приведению в порядок в политическом отношении I Конной Армии. Полагаю, что в лице ее мы имеем большую угрозу для нашего спокойствия в ближайшем будущем. Желателен проезд в части Армии т. Калинина».

М. И. Калинин вместе с А. В. Луначарским, Д. И. Курским, Н. А. Семашко и другими сотрудниками специального поезда «Октябрьская Революция» действительно побывал в расположении I Конной, чтобы привести в армии политический порядок.

Планируя заключительную операцию против Врангеля, М. В. Фрунзе поставил не I Конную в первый эшелон войск, а II Конную Армию Филиппа Кузьмича Миронова. А позже герой Миронов был оклеветан и убит в апреле 1921 года в Бутырской тюрьме. И через несколько лет все боевые заслуги его конармейцев приписали Ворошилову и Буденному.

В октябре 1925 года на операционном столе внезапно скончался руководитель Красной Армии 40-летний М. В. Фрунзе, видный политический и военный деятель, служивший исключительно делу, неподконтрольный Сталину и ни в какие группировки не входивший. Пролит крокодилову слезу на его торжественных похоронах, Сталин сумел «водрузить» на место Фрунзе нарника по тандему — Ворошилова.

Полководцы.
На снимке
(слева
направо):
К. А. Вершинин,
Г. К. Жуков,
К. Е. Ворошилов,
М. В. Захаров,
К. К. Рокоссовский.

CODE: СССР-ИСТОРИЯ

ITEM: "ОГОНЕК" - "СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ"

Так Ворошилов стал председателем РВС СССР и наркомвоенном. Ни по уровню своих возможностей, ни по уровню знаний он для такого высокого поста не годился. Он был и оставался всю жизнь креатурой Сталина и, следуя в фарватере сталинских «дел», нанес на этом ответственном посту невосполнимый ущерб обороноспособности страны и Красной Армии.

Почти пятнадцать лет Ворошилов, сопровождаемый хором аллилуйщиков, руководил Красной Армией. Кончилось все это полным крахом. Конечно, глобальные вопросы военной политики решал не Ворошилов, а Сталин. Ворошилов, будучи наркомом, должен был, опираясь на штаб РККА (Генштаб) и высшее руководство армии, готовить, формулировать проекты этих вопросов, отстаивая нужды и интересы своего ведомства. Так, как это делают все руководители военных ведомств во всех странах. У нас все было не так.

Практически все вопросы готовил и формулировал Сталин — от стратегических до ведомственных и кадровых. Я думаю, что совсем не из-за отсутствия других забот. Может быть, он понимал ненадежность Ворошилова? Ненадежность не политическую — Сталин в личной преданности Ворошилова не сомневался, — а военную некомпетентность. Тем не менее до середины 30-х годов Ворошилов имел большой вес и реальную власть. Хотя некомпетентность Ворошилова чувствовали его подчиненные, а некоторые из них, например, М. Н. Тухачевский и С. С. Каменев, просто знали о ней!

1931—1936 годы были годами расцвета Красной Армии. В этот период заместителями Ворошилова (их было всего-навсего два) работали Я. Б. Гамарник и М. Н. Тухачевский. Главной фигурой в организации стремительного нарастания боевой мощи РККА в тот период на передовой военно-научной основе был, конечно, Михаил Николаевич Тухачевский. Тогда Ворошилов и Гамарник поддерживали Тухачевского. Ворошилов, видимо, понимал огромную значимость Тухачевского в военных делах, во многом помогал (а его помощь тогда очень много значила), во всяком случае, не мешал. Этот краткий период совместной работы был весьма результативным. Красную Армию удалось поднять до уровня лучших армий мира. Она могла отбить любое нападение и сурово наказать агрессора.

То, что произошло дальше, с точки зрения нормальных, человеческих взаимоотношений необъяснимо. В 1936—1938 годах Ворошилов предал своих товарищей и Красную Армию...

Он стал участником и организатором массовых репрессий комсостава РККА. Вместе с командирами были репрессированы десятки тысяч членов их семей и родственников.

Подпись Ворошилова стоит под тысячами фамилий командиров, изгнанных из армии со стандартной формулировкой: «уволен вовсе из РККА за невозможностью дальнейшего использования». Что это означало, знали и знают все. Ходили слухи, что Ворошилов кому-то помогал, и это даже нашло отражение в литературе. Не знаю. К Ворошилову обращались сотни отчаявшихся людей, некоторые из этих писем сохранились, многие уничтожены. Я не читал ни одной положительной резолюции наркома, чаще всего на обращениях вообще не было резолюций. Может быть, и были военачальники и командиры, которым Ворошилов помог, но я ни одного такого не знаю. Зато знаю о личном участии его в организации арестов В. М. Примакова, И. Э. Якира, П. П. Григорьева и многих других.

Как такое могло случиться?

Я задаю вопрос не для того, чтобы выяснить тайные пружины сталинского заговора. Я хочу лишь попытаться понять поведение Ворошилова. Наши гражданские и военные историки до самого последнего времени предпочитали не связывать имя «легендарного маршала» с уничтожением Красной Армии. Предпочиталось нейтральное и безличное: «необоснованные репрессии».

Ворошилов оказался предателем. Почему?

Еще раз оговоримся: в наших официальных публикациях ни такого вопроса, ни ответа на него нет. Я выскажу только те мнения историков, которые мне известны по беседам и дискуссиям. Многие историки считают, что Ворошилов сопротивлялся готовящимся репрессиям. Я считаю, что все было по-другому.

Единственное, в чем преуспел Ворошилов на посту наркома, это фальсификация истории гражданской войны и превознесение роли Сталина (ну, и собственной, конечно). Это он в 1929 году начал атаку на Красную Армию и на правду о ее делах в своем выступлении «Сталин и Красная Армия», посвященном 50-летию патрона. И я не слышал, чтобы Ворошилов когда-нибудь отказался от своего выступления. Это Ворошилов в 1930 году попытался расправиться со многими военачальниками РККА — бывшими генералами и офицерами царской армии. Правда, тогда не вышло, и не по «вине» Ворошилова. В середине 30-х годов он недрогнувшей рукой выгнал из армии несколько воен-

начальников, оклеветанных и арестованных НКВД (Г. Д. Гай и другие). В первой половине 30-х годов он просто терпел наших выдающихся военачальников, поскольку они делали то, что сам Ворошилов со Сталиным делать не умели — воссоздавали армию, оборону страны. Когда Ворошилов и Сталин решили, что все в порядке, они просто избавились от мешавших им людей. Впервые, те хорошо знали о сталинско-ворошиловском извращении истории страны, армии и войны, а во-вторых, они мешали установлению абсолютной власти тандема над армией и страной (Ворошилов еще не предполагал, что Сталин позже выкинет его из «упряжки»). Что касается количества жертв, их это не интересовало — народ велик, подрастут новые поколения.

Все события 30 и 40-х годов свидетельствуют о невежестве правительства Сталина, одной из опор которого в свое время был Ворошилов в вопросах руководства страной, ее экономикой, социальным развитием, наукой и культурой. С еще большей справедливостью это положение подтверждается в отношении армии. Тандем так и не понял, что армия — это не военные мундиры, о которых оба проявляли повышенную заботу. Армия — это военный инструмент в руках политики. Для того чтобы он действовал, нужны военная наука, военное искусство, военное дело в стране. Обезглавив армию, Сталин и Ворошилов, в сущности, ликвидировали военную науку, военное искусство и военное дело. Военные события конца 30-х годов и Великая Отечественная война полностью подтвердили это.

Чтобы продемонстрировать моральный облик сталинского наркома обороны, приведу один из его многочисленных приказов, подписанный 31 мая 1937 года: «Отстранить от занимаемой должности, исключить из состава Военного Совета при НКО СССР и уволить из РККА зам. наркома Оборона и Начальника Политуправления РККА армейского комиссара 1 ранга Гамарника Я. Б. как работника, находившегося в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре».

Эти слова написал человек, не только знавший и понимавший выдающуюся роль, которую сыграли Ян Борисович Гамарник и Иона Эммануилович Якир в советском военном строительстве, но и сам состоявший с ними «в тесной групповой связи», много лет с ними друживший! Друживший с ними домами!..

Сталин до конца жизни так и не понял, что никого нельзя назначить в полководцы — полководцем нужно стать.

CODE: СССР-ИСТОРИЯ

ITEM: "ОГОНЕК" - "СТАЛИНСКИЙ НАРКОМ"

Действительность многократно подталкивала его к правильному пониманию этого вопроса, однако Сталин упорно ей сопротивлялся.

Зияющие провалы в обороноспособности страны сказались практически сразу же после того, как обезглавили РККА. И в 1938 году на Хасане, и особенно в 1939—1940 годах во время советско-финского конфликта. В мае 1940 года Ворошилова из армии пришлось удалить. Но Сталин, пока не подзревавший, что кто-нибудь, кроме конармейцев, сумеет руководить Красной Армией, назначил на его место С. К. Тимошенко, панически боявшегося Сталина. Итог: трагические события на фронтах 1941—1942 годов.

В июле 1941 года Ворошилов вновь оказался на одной из главнейших командных должностей. Он был назначен главкомом Северо-Западного направления, главной задачей которого была оборона Прибалтики и Ленинграда. Такая высокая должность снова обернулась бедой. На этот раз бедой для всей страны. Ворошилов проявил полную неспособность руководить войсками в современных военных операциях. На его совести трагедия Краснознаменного Балтийского флота: Ворошилову не хватило мужества без санкции Сталина разрешить своевременную эвакуацию главной базы флота из Таллинна в Кронштадт. Надо думать, он все же понимал преступность малейшей задержки с эвакуацией... В конце концов эвакуация прошла под дулами орудий немцев, обошедших Таллинн, вышедших к побережью и стеной огня перебивших узкий фарватер Финского залива, вдобавок густо начиненного минами. На дне залива оказались почти все транспорты с десятками тысяч людей — инженеров и рабочих базы, их семьями, семьями балтийских военных моряков... Полный провал произошел и в оборонительных сражениях на подступах к Ленинграду, а также в организации обороны города, где Ворошилов действовал совместно со Ждановым.

Ни в одной стране никто не миновал бы после таких провалов военного трибунала. А Ворошилова официально даже не поругали. Но Ворошилов был снят с командно-фронтальной работы и больше на нее не возвращался. Хотя в «руководителях» остался: был главкомом партизанского движения, представителем Ставки...

Почему?

Ворошилов стал символом сталинского толкования истории гражданской войны и Красной Армии. И с этой точки зрения был неприкасаем. Он остался символом и после смерти Сталина. Человек-легенда, одним из авторов которой частично он был сам.

В 1956 году к собственному семидесятипятилетию и в 1968 году — к пятидесятилетию Советской Армии, видимо, в поддержку реюне «народного героя» и «легендарного полководца», Ворошилов был дважды удостоен звания Героя Советского Союза. Механически? Но в Положении о высоком звании совершенно четко сказано, что за прошлые заслуги — до 1934 года — никто награждению не подлежит...

За что же и после смерти «хозяина» награждали сталинского наркома? Почему он принимал новые награды? А как же коммунистическая мораль и человеческая совесть? Очевидно, их не было...

Самое худшее, когда победы ослепляют и никто не хочет подумать, какой ценой они достались. Еще хуже, когда в угоду мнимому благополучию фальсифицируется история. Все лучшие умы человечества, народная мудрость утверждают, что учиться и воспитывать армию надо не только на победах, но и на поражениях. На ошибках! Именно поэтому необходимо полностью отказаться от лживого сталинского стандарта в изложении нашей военной истории. И начать, наконец, ее полное и фундаментальное изучение. Накладно держать в секрете свои поражения и провалы.

ВИ/ЛФ

CODE: СССР

ИТЕМ: В ЛЕСУ ПОД БЫКОВНЕЙ ЗАХОРОНЕНЫ ЖЕРТВЫ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ — НАЧАЛЬСТВЕННЫЕ ГОЛОСА РЕКОМЕНДУЮТ НЕ ПРОИЗВОДИТЬ РАСКОПКИ И НЕ ВЫЯСНЯТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
5 АПРЕЛЯ 1989 г.
№ 14 (5236)

Архипелаг БЫКОВНЯ

ВЕРСИЯ, ИЗЛОЖЕННАЯ ГАЗЕТОЙ («ЛГ» ОТ 30 НОЯБРЯ 1988 Г.), О ТОМ, ЧТО В ЛЕСУ ПОД БЫКОВНЕЙ, НЕПОДАЛЕКУ ОТ КИЕВА, ЗАХОРОНЕНЫ ОТНЮДЬ НЕ ЖЕРТВЫ ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ, КАК ЭТО УТВЕРЖДАЕТ НАДПИСЬ НА ПАМЯТНИКЕ, УСТАНОВЛЕННОМ ЗДЕСЬ В МАЕ ПРОШЛОГО ГОДА, А ЖЕРТВЫ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ, ПОЛНОСТЬЮ ПОДТВЕРДИЛАСЬ.

К такому выводу пришла следственная группа Киевской городской прокуратуры, возбудившей уголовное дело по фактам нашей публикации. По найденным вещам с индивидуальными призна-

ками их владельцев (экслибрис, подписанная расческа и пр.) следствие уже сумело установить фамилии 14 безвинно репрессированных, чьи останки здесь покоятся. Среди них — Ивановский Николай Генрихович, техник-строитель курортного управления, расстрелян 10 декабря 1937 года; Прокопович Валентина Макаровна расстреляна 10 мая 1938 года; Брыль Владимир Антонович, родной брат известного белорусского писателя Янки Брыля, управляющий отделением Рудянского свеклосовхоза (Киевской области). На месте захоронения найден мундштук с надписью: «Брыль В. А. 16.IX.1937 г.». Осужден «тройкой» 28 сентября 1938 года, расстрелян 5 октября этого же года.

Еще 11 человек, расстрелянных в 1937—1938 годах, удалось установить по гравировкам на крышках именных часов. Это: Твардовский-Ребин Антон Елисеевич, служивший в Наркомфине УССР; Ткальничков Федор Яковлевич, интендант 3-го ранга; работники милиции Давыдов-Барга Эммануил Маркович и Шелыгин Яков Павлович; сотрудники НКВД Мицельмахер Абрам Лазаревич, Яковенко Владимир Михайлович, Костяной Николай Степанович и другие. Все они стандартно обвинялись в контрреволюционной и диверсионно-террористической деятельности, шпионаже и т. д.

Косвенным путем удастся назвать имена еще нескольких тысяч человек, захороненных в быковнянском лесу, — так считают работники следственной

группы. Ими доказано, что зеленый забор, за которым на территории 4 гектаров в общих ямах закапывали расстрелянных, принадлежал ведомству НКВД, что сюда в машинах вывозились трупы. Людей уничтожали в подвалах нынешнего Онтюбрьского Дворца культуры, где в те годы размещался НКВД; есть свидетели, которые видели, как трупы грузили здесь на машины и накрывали брезентом (истати, всего по делу о захоронениях в быковнянском лесу допрошено около 200 свидетелей).

Итак, похоже, что все тайное, связанное с архипелагом Быковня, станет явным. Однако настаивает, что величайшее торжество восстановления исторической и юридической справедливости вновь может быть омрачено недоделками. Уже раздаются начальственные голоса, рекомендуемые свернуть следствие, чтобы не доводить его до эксгумации быковнянских захоронений, до полного выяснения обстоятельств, которые могут раскрыться в результате этих раскопок. 23 февраля Днепропетровский райком партии г. Киева возложил к памятнику в Быковне венки «жертвам фашизма»...

Хочется верить, что памятник с бесчестной надписью будет снят и останки репрессированных, перезахороненные под него, наряду с эксгумацией других могил еще раз тщательно исследуют. Что следствие не ограничится одной лишь Быковней, но займется и иными киевскими адресами (скажем, Лукьяновским кладбищем), где также захоронены жертвы сталинских репрессий.

Сергей КИСЕЛЕВ,
соб. корр. «ЛГ» по Украине
КИЕВ

CODE: CCCP

ITEM: ОЧЕРК О МАССОВЫХ РАССТРЕЛАХ В КОНЦЕ 30-Х ГОДОВ В ГОРОДЕ КОЛПАШЕВЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ И ЗАХОРОНЕНИИ НА БЕРЕГУ ОБИ. В 1979г. ОБВАЛИЛСЯ КРАЙ БЕРЕГА И ОТКРЫЛАСЬ СТРАШНАЯ КАРТИНА. КТО РАССТРЕЛЯН? КТО РАССТРЕЛИВАЛ? -1-

стр. 2-8

БИБЛИОТЕКА «МОЛОДОСТИ СИБИРИ»

ВЫПУСК № 5 / 89

ВЛАДИМИР ЗАПЕЦКИЙ КОЛПАШЕВСКИЙ

ЯР

О ПИСЫВАЯ широкую дугу, в этом месте Обь течет на запад, даже на юго-запад. Левый ее берег низок, вровень с водой. За узкой полоской песка, на которой можно разглядеть с пяток лодок, начинается малорослый лес. Левый берег пустынный, и человеку приезшему это может показаться странным, потому что на другой стороне стоит город Колпашево. Небольшой, всего тысяч на тридцать жителей, но все-таки город.

Русло реки медленно, но вполне заметно перемещается правее, и старинки помнят те времена, когда кромка берега по левую сторону реки тоже была берегом, но берегом правым, а там, где сейчас идут по речному фарватеру груженные стройматериалами баржи, тянулись дома приквашей к Колпашеву деревеньки Благоино, или, как ее еще называли, Саратовки. А на болотцах рядом местные охотники, бывало, стреляли с быстрых обласков уток в гусей.

Отнимая ежегодно у города по несколько метров суши, Обь до неузнаваемости изменила высокий правый берег. Когда-то он отлого спускался к воде, но теперь его можно видеть таким только у речного вокзала. А выше по течению это совершенно отвесный песчаный обрыв. Брешь от времени еще какой-нибудь кусок берега, подмытый водой, рушится вниз. Чаще это бывает в конце весны или в начале лета, когда заметно прибывает быстрая вода,

CODE: СССР

ITEM: "КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР" В. ЗАПЕЦКИЙ, БИБЛИОТЕКА "МОЛОДОСТИ СИБИРИ" №5.89

стр. 2-8

и особенно в те дни, когда южный ветер гонит на яр волны.

В 1979 году, в конце апреля, в очередной раз обвалился край берега почти в самом центре города, в нескольких десятках метров от того места, где обрывается, упираясь в Обь, улица Ленина.

Со стороны реки открылась страшная картина. Из обрыва, начинающегося приблизительно с глубины двух метров, торчали человеческие останки: руки, ноги, головы. Окрывшийся срез захоронения имел размеры до четырех метров в ширину и до трех метров в глубину. Трупы в могиле были сложены штабелями, и если беранье из них полностью истлело, то нижние сохранились в редкость хорошо. По сути дела, это были мумии желтовато-коричневого цвета, с остатками волосяного покрова. Поразительно, но даже лица умерших сохранились настолько хорошо, что по свидетельству очевидцев, можно было произнести имя умершего. А вернее — убитых. В затылочной части черепов были пулевые отверстия. Во многих черепах их было по два, причем второе часто приходилось на височную кость.

Первыми обнаружили захоронение мальчишки. Черепа они закидывали в Обь, носились с ними, надев на шпалы, по городу. Тогда-то всполошилась и взрослая. На берег хлынул народ. Иные из верующих старухи шли туда с иконами. Миллионы появлялись только часа через два, выставляли оцепление, чтобы не подпускать к обрыву людей.

В дальнейшем события развивались следующим образом. Достаточно быстро едва ли не в течение суток, обнесли шурф забором, на помощь прислали дружинников, которые дежурили у могилы и на подступах к ней. Милицейский наряд оставался здесь и на ночь.

А за забором начались работы по ликвидации захоронения.

Прошло с тех пор восемь лет, воссоздать объективно полную картину трудно, мне самому вся эта темная история известна лишь по рассказам свидетелей. Их оказалось вполне достаточно, и все услышанное записано добросовестно, но избежать ошибок трудно. Это повествование — что-то вроде воспоминаний очевидцев. Возможно, примешаны к правде и домыслы, слухи, но что в этом неожиданного? Что удивительного в том, что факты обрастали домыслами? Колпашевские власти образца семидесятых годов в духе всеобщей установки на безгласие старались не говорить о происшествии или говорили нехотя, сквозь зу-

бы. Но природа не терпит пустот, общество — беспамятева. На пустом месте все равно что-то появится. Если нет здорового семени — вырастет сорняк. Так кто в этом виноват?

Я не претендую на документальную точность. Скорее уж предлагаю осознать, что происходило в маленьком сибирском городке. Речь не только о сортах, в наименьшей степени о нас, о наших современниках,

I.

ПО НАЧАЛУ была предпринята попытка раскопать могилу с берега и вывезти останки расстрелянных на автомашинах, но скоро от этого отказались. По той простой причине, вероятно, что конфигурация захоронения оказалась непростой (многие местные жители утверждали, что ям было несколько), а число трупов достаточно велико. Использование техники на краю обрыва затруднял подвижный песчаный грунт. И тогда было решено берег попросту размыть.

К яру подошел мощнейший двухтысячелетний буксир серии ОТ. Буксир поставили кормой к берегу, намертво закрепили тросом лебедки. На полных оборотах заработали винты, вода ударила под обрыв. Позже, для ускорения работ, рядом поставили второй двухтысячник.

Как уже было сказано, некоторые трупы сохранились удивительно хорошо. Возможность превращения трупов в мумии объясняется, во-первых, вхождением их в песчаной почве, что обезлечивало вентиляцию, необходимую для быстрого — в течение нескольких месяцев или года — высыхания тел. Во-вторых — использованием при погребении хлорной (или, может быть, негашеной) извести. На срезе захоронения можно было видеть, что людские останки расположены послойно, и разделяют их настилы из досок в прослойки окаменевшей извести. Отмечался также сильный запах креозота. Наличие дезинфицирующих средств, видимо, оградило трупы в нижних рядах от гниения.

Так вот, если черепа и кости, превращаясь в крошево при обвале кусков берега, тут же шли ко дну, то легкие мумифицированные останки всплывали, и река несла их за вилу у всего города (большая часть Колпашева расположена ниже по течению: речной вокзал, застроенный частными домами жилой район, именуемый Песками, грузовой порт...).

CODE: СССР

ITEM: "КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР" В. ЗАПЕЦКИЙ ВИБЛИОТЕКА "МОЛОДОСТИ СИБИРИ" №5.89

стр. 2-8

На Оби дежурили катера и лодки — для того, чтобы перехватывать трупы. Но их даже не вылавливали. Их топили. Цепляли к ногам или к поясу металлические ботванки или кирпичи, которые складывали попарно, и прикручивали проволокой. Именно к поясу — чтобы трупы не стояли в воде вертикально. Поступали впроцее — крошили высохшие тела веслами.

Милиция в те дни работы хватало. Придавленные грунтом, некоторые трупы выплывали ночью, когда дежурство на реке заканчивалось, и потому часов с четырех утра, едва светало, милиция на катерах обследовала берега Оби и Канеровской протоки. Тем не менее, случалось, река уносила людские останки на многие сотни километров вниз по течению — до Новоникольского и Прохоркина, что на севере Томской области.

Два мужских трупа в ватниках были доставлены в морг колпашевской больницы по недоразумению, если можно так выразиться. Отмокнув в воде, они стали беловатосерыми, волосы выпали, кожа отделилась. Однако произвести вскрытие разрешено не было. Представители правоохранительных органов забрали тела и увезли их с собой. Известны также случаи, когда местные жители обнаруживали тела и, приняв их за утопленников, сообщали в милицию. Одному из колпашевцев с Песков собственный вес притащил к крыльцу найденную на берегу человеческую руку.

Приблизительно к 9 мая все было закончено.

Теперь на месте захоронения что-то вроде оврага, треугольником вдающегося в берег. Но внизу уже не вода, а намытый рекой песок. В этой удобной бухточке швартуются небольшие речные суда, на песке лежат чьи-то лодки. По откосу — другого подобного рядом нет — легко вскарабкаться наверх. Там мусорная свалка. Свалены в кучу ржавые жестянки, битые бутылки, старое тряпье. О могиле напоминают лишь торчащие из обрыва дощатые стенки подземных ходов — это был настоящий, вполне обустроенный подземный склеп.

Ширина оврага достигает метров двадцати пяти, вглубь берега он уходит метров на десять. Но это едва ли треть того, что можно было видеть восемь лет назад. Обь продолжает поднимать яр. Еще через шесть-семь лет в этом месте будет плескаться вода.

2.

ХОТЯ о существовании могилы колпашевцев в массе своей до мая 1979 года даже не подозревали, вопрос о ее происхождении не возник, потому что именно здесь, на месте бывшего пустыря, в середине тридцатых годов был построен городок НКВД.

Нынешняя улица Ленина в то время называлась иначе, зато переименованная ее улица Дзержинского сохранила свое название. Городок НКВД располагался как раз на их пересечении (если стоять лицом к Оби, то по левую сторону от улицы Ленина, на той стороне улицы Дзержинского, что ближе к реке).

Центральное здание — двухэтажное, сложенное из бруса — стояло на самом перекрестке торцом к улице Дзержинского. Здесь было парадное крыльцо. Здание НКВД замыкала П-образный забор, который тянулся вдоль улицы Дзержинского метров на сто пятьдесят-шестьдесят. Забор был высок, что-то около четырех метров, наверху, кроме того, была натянута колючая проволока. По одному из рассказов, к концу пятидесятых годов он был наполовину разобран и стал гораздо ниже. Так что, вероятно, забор был поставлен по-чалдонски, без гвоздей: для этого грызали столбы с вертикальными пазами, в которые затем вставлялись горизонтальные доски. Такой забор разобрать до нужной высоты очень легко.

Некоторое время над забором возвышались три сторожевые вышки. Две из них стояли по углам внутреннего дворика, третья — ближе к главному зданию, рядом с воротами, выходившими на улицу Дзержинского. Они всегда были заперты. Да и через двери парадного крыльца редко кто заходил в дневное время внутрь. Таким — молчаливым и мрачным — зданием НКВД напоминалось большинству колпашевских старожилов. А оно, кстати, сохранилось доньше. В связи с размывом берега его перенесли на улицу Горького. Слегка перестроенное, обшитое свежим тесом, оно служит сейчас общежитием медучилища.

Стуха тогда, в 79-м, Колпашево переполняли. Городским властям пришлось дать разъяснения. Не через печать, разумеется. Местная газета хранила — прошу прощения за маломестный каламбур — гробовое молчание. Разъяснения были даны полуофициальным, никого ни к чему не обязывающим образом — через секретарей первичных парторганизаций.

CODE: СССР

ITEM: "КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР" В. ЗАПЕЦКИЙ БИБЛИОТЕКА "МОЛОДОСТИ СИБИРИ" №5.89

стр. 2-8

дней, через профсоюзных работников, депутатов исполкомов и т. д. А сводились они к утверждению, что в обнаруженной и поспешно ликвидированной могиле были похоронены расстрелянные во время войны дезертиры.

Дезертиры? Странно, сибиряки — народ не слабодушный...

Давайте рассмотрим эту версию вместе, без горячки. Каковы были размеры захоронения? Думаю, масштабы проводившихся на реке работ говорят сами за себя, вряд ли

подобная кутерьма могла подняться из-за двух десятков скелетов. От Алексея Николаевича Малышева, заместителя председателя совета опорного пункта № 1, я узнал, что только его дружинники отобрали у колпашевских мальчишек 31 череп. А ведь мальчишек отогнали от могилы достаточно быстро.

Вполне достоверным является еще такой факт: бункеры вымыли две приблизительно одинаковые по размеру ямы. С другой стороны слухи разрастались до совершенно фантастических цифр: говорили чуть ли не о 15.000 расстрелянных. А вот это явная чепуха. Вспомните хотя бы о местонахождении городка НКВД и его размеры. Рискуно предложить весьма осторожную оценку: расстрелянных была не одна сотня, но в пределах тысячи. Не многовато ли дезертиров для маленького сибирского городка, в котором по переписи 1938 года проживало 14.857 человек? Правда, Колпашево — был центром обширного района, возникшего на месте Нарымского округа, но заселен он был, прямо скажем, негусто. Да и какой смысл свозить в Колпашево дезертиров и тайком, так, чтобы никто и никогда об этом не слышал, расстреливать их, если единственной целью подобных акций во все времена было установление в армии и обществе железной, беспрекословной дисциплины военного времени. Вообще, как могло процветать дезертирство среди коренного населения Сибири, если это практически неизбежно должно было повлечь за собой репрессии против остальных членов их семей?

Тогда, может быть, речь идет о каких-то пришлых людях, которые пробрались сюда из западных районов страны? Как? Через топя и тайгу — неизвестно. А единственная путь — по Оби — всегда находился под жестким контролем.

Спецпереселенцы? Да, во время всеобщей коллективизации в Нарымский округ было сослано немало семей раскулаченных. О масштабах выселки, кстати, косвенно свидетель-

ствуют цифры невероятного роста площади пахотных земель за счет раскорчевки леса и осушения болот: в 18 раз она увеличилась в 1939 году по сравнению с 1911 годом. И это при обеспечении земель в 1929 году по 0,8 га на одного едока в хозяйствах единоличников и по 1,4 га — в коммунах.

А вот данные научных сотрудников Колпашевского филиала Томского краеведческого музея: спецпереселенцев было 192.000 человек, причем число выживших в течение первых двух-трех лет составляло, вероятно, около 40 процентов. Последняя цифра ошеломляет, но не забывайте, при каких обстоятельствах спецпереселенцы попадали в ссылку: либо в холода, по зимникам, либо (чаще так оно и было) на баржах в короткое северное лето. А устроиваться приходилось на голом месте, со стариками и детшками на руках, с минимумом посевного материала и без опыта того, как можно растить на болотах хлеб.

И было бы странно думать, что среди репрессированного крестьянства не было озлобленных людей. Не могло не быть. Но вплоть до 1943 года, то есть, пока в войне не произошел коренной перелом, спецпереселенцев вообще не призвали на фронт.

Конечно, это всего лишь общие соображения. Но можно привести и конкретные свидетельства весьма и весьма информированных людей. Александра Матвеевича Большакова старые колпашевцы помнят хорошо, хотя тот уже давно переехал в Томск, где и удалось его разыскать. Большаков в свое время занимался хозяйственной и партийной работой, в годы войны был председателем РИК Колпашева. И вот он, Александр Матвеевич, знает об одном единственном случае дезертирства. У Большакова удивительно ясная память, несмотря на почтенный возраст (он 1899 года рождения), а вот тут, к сожалению, фамилию человека, о котором идет речь, забыл. История тогда произошла следующая. Некто Тимофей, в молодости уже охотник, был призван в армию в конце 1941 года, но по повестке не явился, укрывшись в тайге. Через год был все-таки пойман и осужден. Однако в его не расстреляли, а отправили на фронт в штрафную роту.

Еще один факт, который с версией о расстрелянных дезертирах никак не согласуется: в могиле встречались останки женщины.

CODE: СССР

ITEM: "КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР" В. ЗАПЕЦКИЙ БИБЛИОТЕКА "МОЛОДОСТИ СИБИРИ" №5.89

стр. 2-8

Короче говоря, разъяснения горкома партии очень напоминали яловкую отговорку. Или, если избегать излишней категоричности: возможная толка правды была использована для того, чтобы создать общую неверную картину. Цель — не потревожить тихую жизнь — достаточно прозрачна, и если не является простительной, то, во всяком случае, понятна. Но, таким образом, фактически взвалили на колпашевцев грех массового дезертирства. Цель оправдывает средства? Зачем же так собственный народ срамить?

Впрочем, сами колпашевцы в рассказе о дезертирах не очень-то поверили. Люди здравые убеждены, что могила на берегу — следы ежовщины и бериевщины. Бог даст, установятся компетентные органы, откроют свои ведомственные архивы — узнаем, что давно имеем право знать.

Расстрелы явно носили групповой характер — как это и было на самом деле в конце тридцатых годов. Вспомните дощатые настилы (еще их называли «коробами»). Размеры каждого такого «короба» составляли 3—4 метра в длину, 2—3 метра в ширину и немногим более метра по вертикали. Видимо, когда тела расстрелянных заполняли такой объем — а укладывали убитых плотно, «валетом» — их засыпали хлорной известью для предотвращения гниения, затем закрывали настилем из досок. Ясно, что держать открытой продолжительное время такой полусклеп-полумогилу было просто невозможно.

Дезертиров расстреливали открыто, часто — перед строем. Здесь же убивали тайком, воровски. В некоторых «коробах» была отдельно собраная одежда. То, что она не попала в магазин, через который распространяли реквизированные вещи (подобный магазин в Колпашеве существовал), может свидетельствовать в пользу того, что среди уничтоженных были местные жители, и органы НКВД позаботились о том, чтобы избежать любой утечки информации. Доводилось слышать, что среди найденной в могиле одежды была и табух, которая в сороковые годы из употребления вышла: армяк, лалка.

Наконец мне известен случай, когда умершего в 1943 году во внутренней тюрьме подследственного похоронили на городском кладбище. Речь идет о Белягине Парфене Яковлевиче. После шести месяцев пребывания в НКВД он скончался и был вместе с двумя другими умершими арестованными похоронен в общей могиле, в одном ящике на троих вместо гроба. Могилу родственникам позже показали.

Если в колпашевской могиле были захоронены останки нечаянно замученных людей, как тогда рассценивать то, что происходило на обском берегу восемь лет назад? Да иначе как повторным убийством я не называю. Когда-то были истреблены люди, а четыре десятилетия спустя — сама память о них в останках. Если это не варварство, то что же тогда называть варварством?

Ну, а если это была могила преступников? Цивилизованное общество может найти разумное разрешение подобных ситуаций, в том числе перенос захоронений. Так вот, без обиняков: я дезертиров не верю ни на грех. Мало ли что приходится пастве слышать свелье но избалованные от ненужных душевных волнений. Никаких документов, как это у нас принято, обнародовано городскими властями не было. И не поверю — пока таких документов не увижу собственными глазами.

3.

В КОЛПАШЕВЕ был в ссылке поэт Николай Ключев. Из его письма: «Поселок Колпашево — это бугор глины, усеянный от бед и непогоды избами, дуга набитый ссыльными. Есть нечего, продукта нет, или она до смешного дорога. У меня никаких средств к жизни, милостыню же здесь подать никому, ибо все одинаково рыщут, как волки, в погоне за жраньем. Вспомни обо мне в этот час — о несчастном бездомном старике-поэте, лицемерие которого заставляет содрогаться даже причинных к адским картинам человеческого горя спец-переселенцев. Скажу одно: «Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве!» Небо в дымных, косые, налетающие с тысячеверстных болот дожди, немолчный ветер — это зовется летом, затем свирепая 50-ти градусная зима...»

Но погиб Ключев не в Колпашеве, в октябре 1934 года он был перевезен в Томск. Судьба дала ему еще не-

сколько лет жизни. Был репрессирован и также оказался в Колпашеве русский философ, литературовед и переводчик Густав Густавович Шгет. Энциклопедии называют точную дату его смерти — 23 марта 1940 года, о причине смерти умалчивают, место смерти указывают весьма неопределенно — Томская область. Да весь философский мир содрогнется, если будет установлено, что уже в нашу просвещенную эпоху всемирных симпозиумов крошился веслами на далекой сибирской реке труп автора «Введения в этническую психологию», бывшего вице-президента Российской академии художественных наук...

CODE: СССР

ITEM: "КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР" В. ЗАПЕЦКИЙ БИБЛИОТЕКА "МОЛОДОСТИ СИБИРИ" №5.89

стр. 2-8

И все-таки — мне трудно объяснить почему — как-то особенно шемит сердце, когда выплывают из бездны совершенно безвестные имена. О Шпете и Ключеве уже не забудут, они трудами своими создали память о себе. А кто не успел, не смог? Кто обманливый, забытый и уже никому не нужный, лег костями, по которым ретивые служаки карабкались вверх, и память о ком уходит на глазах с уходом старшего поколения?

Существует ли иной, равный по значимости способ надругательства над тем, что люди называют смыслом жизни, — без всякой нужды, похотев растоптать чужую незнакомую жизнь и тут же забыть о ней?

Рассказать правду о могиле в яру, о том, кто был там расстрелян и расстреливал, могли бы разве что те люди, которые когда-то работали в двухэтажном здании на улице Дзержинского. Если бы захотели, конечно. Да многих уже подростку нет в живых.

Было бы наивностью думать, что бы такое событие, как варварское уничтожение заточенных на месте колпашевского НКВД, начисто вышло из памяти людей. Нет, оно утрачивает остатки достоверности, оказывается до неузнаваемости, но не исчезнет, уйдет куда-то в подсознание, станет какой-то малой, но существенной его частью. Какой? Можно только гадать. Думаю, что это будет и отчуждение от государства — раз государство не намерено быть с ним, гражданином, правдивым и откровенным. И уничтожение личности — раз так мало может стоить человеческая жизнь на ничтожном, в сущности, временном отрезке в пятьдесят лет. И, наконец, страх — раз миром правят силы, которые по своей прихоти могут изгонять из жизни неугодных...

Что дальше? Дальше останется лишь ждать — когда гражданка переродится в обывателя.

Только справедливо ли говорить об этом в будущем времени? Может быть, в этом и состоит суть национальной катастрофы, которая уже произошла? Беспамятовость и безглазие становились нормой существования целого народа. Новая политика, пришедшая вместе с Горбачевым, открыла дорогу зловредным силам общества — разум его просветляется, возвращается к жизни истребленное понятие совести. Но если быть честным с самим собой, то следует признать: надо приложить невероятно много усилий во избавление от того идеологического чертополоха, который совершенно заглушил общественную жизнь. Не произойдет этого — не

удивлюсь, если еще через пятьдесят лет какой-нибудь старец из тех, кто сейчас пребывает в юношеском возрасте и знает о колпашевской могиле лишь понаслышке, будет рассказывать небывшие: «А, знаю, знаю. Как же! Комиссары треклятые в овраг сто тысяч народу загнали — кого попадая, и баб с младенцами заодно — и всех из пулеметов порешили...» Или что-нибудь в том же духе.

В обских местах и сейчас подобных историй вам расскажут с избытком. И про священнослужителей, убитых в Кетском монастыре, развалины которого еще сохранялись на дороге Маракса — Мохово. И про семью крестьян-переселенцев, расстрелянных у села Назино в Александровском районе на севере Томской области. И совсем уже страшные вещи про Назино расскажут. Как на остров поблизости (он так и называется — Назиновский) высалили до трех тысяч спецпереселенцев без каких бы то ни было средств к существованию. А в обеих протоках Оби оставили плоты с пулеметами, чтобы никто не мог уйти вплавь (ночи, помню, в тех местах белые, так что трудно было спастись и в ночное время). Так все эти несчастные, среди которых началось людоедство, и были истреблены — голодом...

Господи, можно ли жить дальше, вдыхая ту нравственную отраву, которой опояли страну все эти барки, молотобы, ворошильцы, жалавы и прочие нечелюди?

Колпашевская история — лишь маленький эпизод в общей политике сокрытия преступлений сталинского режима. Даже сама попытка говорить об этом была наказуема. Но по стечению обстоятельств, одна из статей Уголовного кодекса, которую для этого использовали, — 190/1 (предусматривающая ответственность за распространение заведомо ложных слухов, порочащих советский государственный строй), соседствует со статьей 189, которая предусматривает наказание до пяти лет за укрывательство преступлений. Военные преступления, геноцид не могут иметь срока давности, и уже поэтому многие руководители нашей страны в народной памяти останутся пособниками преступлений сталинизма.

Даже по меркам брежневских времен уничтожение заточенных в Колпашево — редкостный пример безмозглости и нравственного мародерства. Власть затеяла втихую упрятать камни в воду — хотя уж этого не стоило делать — а в итоге устроили то, что один пожелав колпашенин с горечью назвал «комедией на реке».

И, вдобавок, слухи про детей в могиле.

CODE: СССР

ITEM: "КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР" В. ЗАПЕЦКИЙ БИБЛИОТЕКА "МОЛОДОСТИ СИБИРИ" №5.89

стр. 2-8

Всех нас лишали памяти, всех превратили в манкуртов. Лишь столкнувшись с колпашевской историей, пытаюсь узнать хоть что-то выходящее за пределы выхолащенного исторического курса истории КПСС, услышал о принятом весной 1935 года законе, по которому к высшей мере наказания могли быть приговорены дети с двенадцати лет. Кто бы из историков потрудился добраться до документов при каких обстоятельствах ВШК принял этот закон? Кто предложил

этот пункт, кто возражал, чьи палаческие подписи под ним?

Из интервью Абуладзе «Литературной газете» узнал об уничтожении по приказу Сталина многочисленного старинного рода. Вместе с детьми? Значит, могло быть.

Безграничная и бесконтрольная власть всегда порождает и будет порождать злоупотребления. Не мы первые, не мы последние. Так что ж? Проблема эта — в теории, по крайней мере — решается просто. Личной ответственностью. Если совершено преступление — ищите преступника, у которого есть имя и фамилия. Не было преступления — заявите во всеуслышание. Почему бы не привлечь к разбирательству хотя бы паталогологов колпашевской больницы в качестве ее представителей? Так нет же, наоборот, запретили вскрывать случайно попавшие в морг трупы. Откровенное издевательство и над здравым смыслом, и над совестью.

Но будем честны с собой. Восемь лет назад происходило то, что не могло не происходить. Так что вряд ли имеет смысл называть фамилия тогдашнего колпашевского начальства. Наоборот, невозможно представить иное, более разумное развитие событий. А если нечто подобное повторится? Не в Колпашеве, так в другом конце страны? Ведь таких ям тысячи. А кто-то и сам может проявить инициативу. Теперь ведь понятно, где искать. Поинтересоваться у стариков, где была тюрьма НКВД — вот и все...

Да и что я заложил: городские власти, городские власти... Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что решения принимаются ступень не на уровне горкома партии. Все лето на спасательной станции жилище двое чужаков. Были они одеты в спортивные костюмы, но о ведомственной принадлежности местные жители не долго гадали. В их обязанности входила ликвидация трупов, если таковые будут обнаружены на реке. Говорят, за все это время они ни разу не обратились друг к другу по имени. Школа, что я говорю, хоро-

шая. На прямой вопрос: как звать-то? — один из этих мрачно пошутит: «Меньше будешь знать — дольше проживешь».

Спасатели — их интерес сугубо профессиональный — даву дались, с какой легкостью звездные «спортсмены» раздобыли два лодочных мотора «Вихрь», крайне дефицитных в здешних краях. И еще больше — той колпашевской шестрости, с которой моторы были оставлены «на добрую память». А вот остаточные рации были увезены с собой...

Так что пора бы открывать архивы советских спецслужб. Четверть не может существовать себя хозяйком в доме, где есть такие темные углы с привидениями.

4.

ПРАКТИЧЕСКИ все, что мне известно о колпашевской истории, уже рассказано. Почти все. Ну, а о людях, — тех, кто помог делом или хотя бы советом, я тех, кто кривлялся, отмахивался, нахально ворочить прошлое, — разве можно промолчать? Стоит ли еще повторять, что день сегодняшний приходит из дня вчерашнего? Подчас непросто в том, что сегодня вошло в силу, пошло в рост, утратить брошенное накануне себя. И залах не тот, и цвет другой, и форма иная. Но родство есть, и от него никуда не уйти. И сознательная сегодняшняя слепота, и, наоборот, безразличие — все несет на себе отпечаток былых времен, потому что в те времена весь уклад нашей жизни и был зачат.

Вот не сложился разговор с Александром Алексеевичем Мартемьяновым, главным дядьтетчером репорта. А узнать у него было что: какие суда размывала берет? Как найти людей из судовых команд? Однако он, едва заметив блокнот, вежливо, но твердо ответил:

— Извините, но разговора у нас с вами не получится. Мы не имеем права сообщать сведения о дядьтетчеро флота.

Жаль. Речники видели больше других. Размывать могли, насколько я слышал, их фактически заставить. Добровольцев не искали. А вполне понятное отсутствие энтузиазма компенсировали даровой водкой, которой было вдоволь. Все равно, думаю, тот кошмар они запомнили надолго...

Так что, поначалу я на главдядьтетчеро обиделся. Попытался задеть за живое, напомнил старую истину: народ не желающий знать своего прошлого, обречен на то, чтобы пережить его в будущем.

CODE: СССР

ITEM: "КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР" В. ЗАПЕЦКИЙ БИБЛИОТЕКА "МОЛОДОСТИ СИБИРИ" №5.89

стр. 2-8

— А я, насколько мне вато, знаю,
— ответил Александр Алексеевич.

Тут я сплхоовал. Его слова при-
шлись в такт какому-то своему собст-
венному движению мысли, и я рас-
толковал их неправильно: мол, он,
Мартемьянов, знает, а другим неза-
чем на своих плечах лишний груз
нести. Как-то в первое именованье и в
голову не пришло, что человек мо-
жет вполне благонамеренно тем,
что ему говорят на политформаци-
онных. И потому сказал невпопад:

— Вот и другие должны знать.

Он промолчал. На том мы и рас-
стались. Потом досада прошла, острый.
Вспомнил лицо Александра Алексее-
вича Красное, мужественное лицо.
Хорошее лицо. А как говорит фран-
цуз, после сорока лет человек сам
отвечает за свое лицо. Ему как раз
лет сорок пять. Работа сейчас сидя-
чая, хотя и хлопотная, а когда-то,
вероятно, плывал сам.

Когда тебя не понимает человек,
которому, как ты убежден, вена нить
и которого ты, как тот самый, нить,
видишь насквозь, его перонимания не
большо трогает. Проидешь мимо,
разве что не сплюнешь. А когда тебя
не понимает человек, который тебе
както симпатичен, это уже задевает.
Как же! И по здравому размышле-
нию даже рачиваешь подозревать,
что с правой твоей не все ладно.

К тому же знакомство с Сибирью
способствует пробуждению комплек-
са вины. Вины болже сытого перед
тем, у кого ты забрал принадлежав-
ший ему по справедливости кусок.
Быть в Москве заезжий швед изум-
ляется российской неважностью, с
какой ему в лицо зевают пустогой
красавицей, то изумляется он прежде

времени. Его б сюда, в Колпашево.
И пусть, милко, попытается опреде-
лить, к какой части туши принадле-
жит тот кусок говядины, которым
здесь торгуют по цене пять рублей за
килограмм.

Впрочем, что условия для сельско-
го хозяйства в Сибиря отнюдь не
идеальные, известно давно, потому и
отправляли сюда спецпереселенцев.
Ну, а газ, которого пока с избытком
и которым Западная Сибирь снабжа-
ет половику Европы (каго ведь где-
то добывать валюту, чтобы у канад-
ского или австрийского фермера-ку-
лака покупать то самое драгоценное
мясо)?

Так вот, недалеко от сибирского
города тянется магистральная газо-
провод к черту на кулички, а на от-
росток в несколько десятков кило-
метров труб не хватало. Но в Сибиря
таким вещам не удивляются, в
Сибиря привыкли. И топят печи дро-
вами. Работают, в меру поругивая
явную несоразность жизнеустройства

Когда все это видишь, начинаешь
думать, что у тебя самого столько

долготерпения не нашлось бы, сорвал-
ся бы, нахамил бы начальству, выпу-
тался бы из построиж, дал бы деру
куда-нибудь поближе к Крыму. Ду-
маешь — и понимаешь, что косточка
в тебе не та, что не смог бы тянуть
итого лет эту ляжку, что успеет пря-
выжнуть к Москве, к сытости, ком-
форту, беспроблемности, о которых
может быть, и не подозревает еще бо-
лее разнеженный швед, вдовольный
пелебоями в московских гостиницах
с туалетной бумагой.

Так и осталась тяжесть от неосто-
явшегося разговора с гладишлетер-
ром. Поняет человек вверх и вниз по
Оби баржи с грузами, и от его неже-
лания оглядываться назад, от несто-
сти жизнеустройства всем прямая
выгода. И мне в том числе.

Малюсенькая надежда, правда, на
взаимопонимание осталась. Возмо-
но, как раз в том сть, что человек
для деле, при должноти, а она, мел-
завка, вздохнуть не дает. А поэтик,
к вечности, говоря высоким слогом,
поближе, а от планерок и парткомов
подальше, уже на пенсия, и появляется
желание пооткровеничать?

Еще один колпашевец. По приери-
нам, которые станут почетными по-
же, придется обойтись без имени и
фамилии. Просто «человек». «Он» Я
столкнулся с ним в первый же день,
когда мне показали то место, где вы-
рван и сброшен в Обь кусок берега.
Неподатку стояла тина. В руках у
них были лопаты. Кажется, за ка-
кой-то надобностью она начелала
дере. Я поздравился, назвался про-
езжим и напорник спросил, что она
знает про мотыду. В мотыду дипло-
матия и к тому времени еще не по-
настроил.

Отвечал оди — тот, о котором
и идет речь. Чувствовалось, что он
знает гораздо больше остальных.
Это был немолодой жизненный чело-
век. Он носил желтые очки с двой-
ными стеклами какой-то фантастиче-
ской стлы. Ресниче складки вокруг
красноты рта словно бы раздвинули
и приоткрыли его, было видно, что в
верхнем ряду не хватает нескольких
передних зубов — от клыка до клыка.
Беззубый рот и очки как бы затора-

живали все остальное. Да, запомнил-
ся еще прыгающий калык на худой
щес...

Отвечал человек так: знает-то он
много, да рассказывать не будет.

— КГБ живо язык укоротит. —
жестко в совершенно серьезно пове-
нил он.

Казалось бы, гласность на двоих...
перестройка — а этот маленький че-
ловек живет на белом свете, как если
бы по-прежнему принимал парадь на
Красной площади похожий на мафи-
ози член Политбюро Лаурентий Бе-
риа...

CODE: СССР

ITEM: "КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР" В. ЗАПЕЦКИЙ БИБЛИОТЕКА "МОЛОДОСТИ СИБИРИ" №5.89

стр. 2-8

Ладно, раз такая история, то обойдемся не только без отчества, но и без его имени и фамилии. Уважим чужие страхи. Оставим за человеком хотя бы право на самоуничтожение, раз уж он не знает за собой иных прав. Что мне о нем известно? Обыкновенный маленький человек. Обидчивый, мнительный, слабый. Для него смертная мука отремонтировать док, выпросить бросовый горбыль на дрова. Но не надо быть тонким следователем - психологом с табуреткой в руках, чтобы сразу понять: этот маленький человек совершенно безобиден и абсолютно добросовестен. О вышедшем из строя дизеле он рассказывал с такой редкой дотошностью, словно в очередной раз перебирал все его винтики. Это же надо — в такую подворотню загнать добрую человеческую душу!

Еще одна зарисовка с натуры. Нехорошо на душе делается, когда этого человека вспоминаю.

Представьте себе мужчину лет тридцати, а значит, с учетом общего крена в инфантилизм, его можно называть молодым. Среднего роста, заурядная внешность... Мда. Занятно лица не могу припомнить. Говорю исключительно без расчета на дешевой эффект. Какая-то очень нейтральная внешность. В памяти остались разве что руки: грубоватые руки рабочего человека, с окурочной желтизной между пальцами. Он и тогда курил, сидя на невысокой лавочке. Сидел, обнимая ногу на ногу, а руки с дымящейся сигаретой держал на коленях, на виду. Вот они и запомнились.

Имени не могу назвать, про всем серым желанием. Не знаю, даже не интересовался. Короче, случайный человек. Вечер был ставный, теплый. Вместе с товарищами он вышел на почтовой части посидеть на воздухе. И мне не случилось в местной гостинице «Заря», она как раз рядом. Времени было позднее, но в конце июня в Колпашево самые настоящие белые ночи. Помню, в руках одного из партнеров была книга. Меня интересовал Буржес, начальник городской пожарной службы. Тот, якобы, со своим офицерами тоже принимал участие в ликвидации захоронения. Ничего по этому поводу узнать не смог, зато навардся на ветреный вопрос: «Материал собираешь?»

Задал его тот самый молодой человек — с надменной и вялым любопытством. Я смущился. Роль сборщика городских слухов, что и говорить, неприятна. Но ведь до обеспечения информации мы не дошли. Аргументы не про нашу честь. Вот и приходится побираться на улице. «Сто лет те мертвяки не нужны», —

добавил он неприятно. Эту фразу — если выгresti из залосов мата — он повторил на протяжении разговора раз десять. Право, меня просто поразили агрессивность, ослобленность, едва ли не обиды, что его тихий быт кто-то тогда потревожил. Если бы это было обыкновенное равнодушие, то — куда ни шло. Мало ли их, «кто ни телл и ял горяч»...

Э-хе-хе! Откуда только порода эта архаровская, говоря словами Распутина, взялась? Неужели и это человеческий продукт социализма?

Всем он недоволен. Но менять бы ничего не стал. Разве что открыл бы еще с десяток винных магазинов. А то в Колпашево сейчас только один, 18-й, торгует спиртным (там же, на Дзержинского). В соседнем Топуре вообще нет. В Томской области и прежде выпивох прижимали, теперь совсем худо стало.

Очень взорадовался, кстати, что в Белом Яре на июньские выборы голосовать пришли только 25 процентов избирателей — остальные, якобы, их игнорировали, выражая тем самым протест против ограничения прав российских граждан жить (Белый Яр — это город лесорубов западнее Колпашева).

Но это, конечно, мелочи. В целом он доялец. Налейте ему стака — и он мигом проявит гражданскую ответственность.

Как трудно не вспомнить того недоделочника, нашего с вами современника, который выловил в Обь труп и приложил его стойке к дереву недалеко от бивачного места, где иногда остаются рыбаки. Чтоб попутать, значит. Шутка такая, понимаете?

5.

Есть у Лескова глубокое и тонкое замечание, что русский человек может быть, тем только и хороши, что слишком мало себя ценит. Не в том ли отгадка особой его общительности, которая в разное время и при разных обстоятельствах проявлялась по-разному?

Это и тяга к общинному укладу жизни — практичная, впрочем, почувствующему, на традиции уже превращающемуся в фольклор. Это и способность к самопожертвованию, без которого немыслимо было выступать в страшной войне с фашистской Германией — тут есть чем гордиться. Но есть над чем и призадуматься. В одиночку, горестно удел человека, который, как в зареке, может увидеть подлинное свое лицо лишь в подобных несчастиях.

CODE: СССР

ITEM: "КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР" В. ЗАПЕЦКИЙ БИБЛИОТЕКА "МОЛОДОСТИ СИБИРИ" №5.89

стр. 2-8

О той же природной социальности или о чем-то очень близком писал Достоевский, называя это свойство всечеловечностью. Да, способность к состраданию, к сопласию между людьми и народами — великое дело. Но ведь это не вся правда. Увы, это и желание на свой лад охотливить весь остальной мир — пусть себе в убыток, пусть силой — но охотливить. Желание, которое всегда было преисполнено благими намерениями, но которое далеко не всегда приводило к благим результатам. Уж какие там терпимость и согласие, когда главным аргументом становится сила!

И еще одно соображение. Много ли даст тот самый российский человек за человеческое счастье или просто отдельную человеческую жизнь, если речь идет не обо всем человечестве оптом, а о конкретной, отдельной личности? Не получится ли так, что готовность пожертвовать за человечество живого своим выродится в готовность не пожалеть и чужого?

Пару лет назад советские газеты дружно возмущались, что большинство во французов, как показал один из опросов общественного мнения, не знает, сколько миллионов человек потерял Советский Союз во время второй мировой войны. Помыслите, да нишем ли мы моральное право возмущаться? Многие ли наши соотечественники смогут ответить на подобный же вопрос, взятый из собственной истории: сколько жертв стоила народу, например, гражданская война или коллективизация?

Вполне вероятно, что вам попадалась на глаза «Литературная газета» от 30.09.87, где член-корреспондент АН СССР Ю. Поляков называет ошеломляющую цифру. Месяц, во всяком случае, она привела в ужас — и сама по себе, и как свидетельство моего крайнего невежества. А правильное сказать — нашего невежества. Учнемся-то мы по одним и тем же школьным и вузовским учебникам.

Что, к примеру, утверждает такое авторитетное издание, как Советская историческая энциклопедия в 16 томах? Что потери Красной Армии на фронтах составили 1.000.000 человек, общие потери населения — 8.000.000.

Это столь фантастически далеко от истинных данных, что объяснить расхождение несовершенством статистических исследований невозможно. Только лишь предположительной ложью. По оценкам Ю. Полякова, население России за период с 1918 по 1923 год

сократилось на 13.000.000 человек — вместо того, чтобы увеличиться на несколько миллионов. Эмиграцию после революции оценивают в 3 миллиона человек. Если учитывать это обстоятельство, а также то, что не были рождены дети теми, кто умер или уехал, людские потери составят цифру того же порядка, что и цифра, которая так часто фигурирует в советских средствах массовой информации и за незнание которой советские газеты так обиделись на французов — 20.000.000 погибших в Великой Отечественной войне.

К сожалению, в наших толкованиях передового мировоззрения не в слишком большом почете оказывались также категории, как уважение к достоинствам врага и милосердие, сомнения в собственной правоте и прощание, грех и раскаяние. В таком контексте они даже парализуют слух своей архаичностью. Прощание. Нет прощания в своем отечестве? И авторитет Толстого ничего не знает? Нет раскаяния — потому что нет движения вперед, или нет движения вперед, потому что нет раскаяния. Раскаяние это как пролом яйца или зерна, вследствие которого зародыш начинает расти и подвергается воздействию воздуха и света, или это последствие роста, от которого пробивается яйцо... важное и самое существенное деление людей: люди с раскаянием и люди без него.

В первую императорскую военную газеты все-таки печатали списки погибших и раненых. А мы? В «Правде» был опубликован отрывок письма жителя Ковеля. Он потерял в Афганистане сына и хотел опубликовать в газете — местной, ковельской — некролог. Некий партийный работник, к которому он обратился, помочь ему отказался, ответив, что не первый солдат погибает в Афганистане и что, дескать, не будешь писать в газете о каждом.

Постыдно, но до последнего времени политика по отношению к самым темным страницам нашей истории — периоду коллективизации и сталинских репрессий — была политикой молчания, что само по себе было соучастием в совершенных тогда преступлениях. А на Западе в домах не стесняются, иногда число жертв оценивают в 80.000.000. Как бы ни далеки были эти цифры от истинных, знать о них полезно: в глазах всего остального цивилизованного мира каждый невинно загубленный в

CODE: СССР

ITEM: "КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР" В. ЗАПЕЦКИЙ БИБЛИОТЕКА "МОЛОДОСТИ СИБИРИ" №5.89

стр. 2-8

с безразличием забытый — есть свидетельство нравственного одичания народа и страшно, если счет им идет на миллионы.

Так как, проявим интерес к тому, какими мы выглядим в глазах тех, кого прочим в соседях по общему европейскому дому?

Западные средства массовой информации особенно часто цитируют книгу историка Роберта Конквиста «Большой террор», вклад ее в формирование общественного мнения исключительно велик. По Конквисту, в 1937 году в сталинских лагерях сидело 12 000 000 человек. Из них было расстреляно около 1 миллиона, еще 2 миллиона умерло от эпидемий, голода, обморожения и т. п. Число погибших во время коллективизации Конквист оценивает в 15—16 миллионов человек.

Но какими фактическими документами может пользоваться западный историк? Так что о достоверности приведенных цифр нечего и говорить.

Вместе с тем полезно знать, что на Западе имеет хождение некий рапорт ОГПУ, якобы попавший в руки фашистов при захвате Смоленска. Там называется цифра умерших от вызванного коллективизацией голода — 3 500 000 человек. Если этот документ не является фальшивкой, в него в первую очередь должны бы попасть данные о смертности от голода на Украине. Хотя, конечно, голод свирепствовал и в других регионах. Но вряд ли в эту цифру включались те, кто без следа стигнул в ссылку. А что творилось среди спецпереселенцев Нарымского края, я уже упоминал.

Большой интерес представляют оценки западных демографов. Их результаты имеют математические обоснования, демографические уравнения достаточно просты, использование компьютеров делает все расчеты элементарными. В 1926 и 1938 годах в СССР производилась всеобщая перепись населения. Эти данные есть в статистических сборниках, к ним обычно и осуществляется привязка.

Сложности возникают по следующим причинам. Во-первых, обоснованы подозрения, что перепись 1938—1939 гг. была фальсифицирована. Во-вторых, в демографические уравнения входят параметры типа коэффициентов рождаемости, естественной смертности. Если уравнения составлены для отдельных регионов, надо располагать сведениями о миграции населения. Тем самым в уравнения вносится произвол, который проявляется в виде некоторых гипотез об условиях жизни, эпидемиях и т. п. То есть итоговые цифры демографов можно доверять лишь в той степени, в которой обоснованы сделанные ими допущения.

Поэтому в подсчеты демографов разнятся довольно сильно. Обобщая эти исследования, профессор Гарвардского университета Максудов называет следующий диапазон цифр, полученных разными авторами. Минимальная цифра потерь населения сверх естественной смертности за указанный период — 2 700 000 человек. Максимальная — 20 000 000 (ее приводит Стив Росфильд). Но большинство демографов обычно называют цифру порядка 10 000 000. Сам Максудов, занимающийся как раз вопросами демографии, оценивает потери населения в период коллективизации приблизительно 8 500 000 человек. Причем он связывает насильственную гибель людей в основном с коллективизацией, а вовсе не с годами ежовщины, о которых из-за отсутствия фактов и цифр говорят в первую очередь.

CODE: СССР

ITEM: "КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР" В. ЗАПЕЦКИЙ БИБЛИОТЕКА "МОЛОДОСТИ СИБИРИ" №5.89

стр. 2-8

Повторяю, эти цифры — цифры-гипотезы, но на Западе общественное мнение формируют с их помощью. Зная это, проще понять, почему там могло укорениться безразличие к понесенным нашей страной жертвам. СТРАНА, ЗАНИМАЮЩАЯСЯ САМОУНИЧТОЖЕНИЕМ, ПОНАЧАЛУ ВЫЗЫВАЕТ УЖАС. НО ВСЯКИЙ СТРЕСС ЗАКОНОМЕРНО СМЕНЯЕТСЯ АПАТИЕЙ И РАВНОДУШИЕМ, тут ничего не поделаешь. Вспомните, как содрогались все, когда 6—7 лет назад революционные трибуналы расстреливали противников режима аятоллы Хомейни. Но когда счет жертвам бессмысленной бойни между Ираном и Ираком пошел на сотни тысяч, народ наш со всем его знаменитым запасом человечности стал достаточно равнодушен к газетным сообщениям.

Любая идея общественного развития может подвергнуться непредсказуемым мутациям, если между ней и человеческой личностью нарушается своего рода паритет. Если в угоду интересам общественного развития выступают коренными интересами личности, то получаемые при этом выгоды носят ложный характер. Последнее слово в обществе всегда принадлежит человеку, а не идее. Потому что как раз он является ее носителем, ее толкователем, он обещивает ее воспринимать, он является двигателем общественного механизма.

Сама идея общественного развития должна выражаться в понятиях, которые были бы близки отдельному человеку, то есть в категориях нравственности или личной заинтересованности, в противном случае идея рано или поздно утратит ясность, смысл и силу.

Появившись в России, марксизм был идеей свободы — первый марксистский кружок, как известно, назывался «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — и целью своей ставил освобождение трудящихся от эксплуатации, от рабства экономического. Идея свободы — это как раз то, что близко и понятно каждому индивиду. Но не прошло и десяти лет после революции, и новый клан власти немущих стал ощущать в ней некий не то анархистский, не то буржуазный душок — так как идея свободы уже противоречила монолиту государственности, которую они олицетворяли собой. Теперь им более по нраву была другая идея: жертвенности. Вчерашний революционер превратился в бюрократ, Вчера он был готов пожертвовать собой, теперь он требовал жертв от других. На благо государства, которое, по Марксу, является собственностью бюрократа.

Жертвенность — ненормальное состояние общества. В период катаклизмов, войн и стихийных бедствий — это защитная функция общественного организма, она необходима. Общество должно обладать таким скрытым потенциалом нравственных сил, чтобы не погибнуть. Но в благополучное время на передний план должны выходить другие моральные стимулы, которых, увы, у нас не оказалось. Вот еще одно возможное толкование причин брежневщины.

Еще одно соображение, которое мне кажется безынтересным: если госмеханизм складывается в период страшных испытаний, если механизм этот «сработал» исключительно для того, чтобы выжить, уцелеть, то он оптимален только с точки зрения выживаемости перед лицом общепрофессиональной опасности. Если такой опасности нет, он столь же велел, как и боевая машина пехоты на минском шоссе среди «жигулей» и «запорожцев», спешащих в пятницу вечером за город. И не только велел, но и опасен. Раз этот механизм наилучшим образом реализует свои возможности в условиях катаклизмов, есть внутренние стимулы, выражаемые интересами конкретных должностных лиц, чтобы направлять ход событий именно в эту сторону. Всяк судит о государственном благе в меру своего разумения. И заинтересованности.

Эпоха сталинизма, словно наследственным сифилисом, наградила народ по меньшей мере двумя пороками: генетическим страхом и способностью терпеть в неограниченном количестве ложь. Страх, правда, ушел куда-то вглубь, сама болезнь приняла вялотекущий характер, да в происхождение ее в силу невыраженности симптомов стало неочевидно. Так, и не страх, вроде бы, а удобная жизненная установка: выше лба уши не растут. Совсем как в саткинской «Вяленой воле», замечательной прощательности, надо сказать, был автор. Далеко глядел, лет на сто вперед.

Воистину это самое большое наше несчастье, самая большая наша утрата. Лишь изгнав из себя эту пресвящую нас насквозь инфекцию долуйства, можно надеяться на вспеление от всего, что пришло следом — равнодушье, деградация идеалов, всеобщая унылость. Лишь так можно

выйти из оставшейся в наследство от сталинского феодал-социализма духовной разрухи. Лишь так можно возродить принесенную в жертву революционным преобразованиям человеческую личность. Не себялюбивый эгоцентризм, но личное достоинство право сказать по-платоновски: без меня народ неполный.

CODE: СССР

ITEM: "КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР" В. ЗАПЕЦКИЙ БИБЛИОТЕКА "МОЛОДОСТИ СИБИРИ" №5.89

стр. 2-8

Миллионы без вины погибших. И ни одной могилы, ни одного памятника...

Н АКАНУНЕ отъезда из Колпашева я еще раз пришел к тому месту, где, зависая над мутной водой изломанной коркой асфальта,

обрывается в никуда улица.

Было буднично и мирно, близится вечер. На далеком фарватере, отмененном флюоресцирующим, источающим сранжевый яд баленом, грохочат два неподвижных нефтеналивника. Мимо, отчаянно мигая про. блестящим мячиком, тянул тяжелую баржу маленький буксир.

Немалое усилие надо совершить над воображением, чтобы увидеть в пустоте у самого берега, над тем местом, где сейчас играет тревожной рябью вода, этот мираж: двухэтажное здание из бруса, выслепленный забор с колючей проволокой наверху,

разбредшееся по пустынной улице стадо коров, злые окрики часового, стоящего на сторожевой вышке, и берепутанного пастушка, торопливо взмахивающего кнутом... И такой же неприкаянный, бездомный ветерок в вышине.

И еще прячущуюся за углом дома девочку, которая с надеждой глядит на ворота НКВД и ждет, что ей вернут отца.

ночь — октябрь 1987 г.

Гонимый за этот очерк прошу перечислить на счет Новосибирского отделения общества «Мемориал».

Мнение ученых

ВЛАДИМИР ЗАПЕЦКИЙ И ЕГО «КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР»

Владимир Запечный собрал важный материал, в основу которого легли свидетельства очевидцев варварского уничтожения в 1979 году массового захоронения в г. Колпашеве Томской области.

Свое отношение к этому аморальному, безнравственному факту томский «Мемориал» (добровольное историко-просветительское общество) высказал в обращении к жителям области (шауртиная областная газета «Красное знамя» за 9 февраля 1989 г.). О колпашевском деле немного писала газета «Советский спорт» (заметки «Кожунство») в номере за 11 ноября 1988 года и «Красноярский комсомолец» опубликовал воспоминания очевидца колпашевских событий А. И. Барышевой («Неутихающая боль») в номере за 15 ноября 1988 года. «Мемориал» также направил в областную прокуратуру заявление, в котором говорится о том, что необходимо провести расследование по колпашевскому делу.

25.5.89

DAY MONTH YEAR

No. F-254 36

CODE: СССР

ITEM: "КОЛПАШЕВСКИЙ ЯР" В. ЗАПЕЦКИЙ БИБЛИОТЕКА "МОЛОДОСТИ СИБИРИ" №5.89

стр. 2-8

Запечкий вел сбор воспоминаний в то время, когда это было делом небезопасным и уж во всяком случае нелегким. Его очерк «Колпашевский яр» (в фотокопиях) ходит в Колпашеве по рукам. Очевидно, что исследование, сделанное на основе воспоминаний, требует уточнений. Но уже сейчас можно сказать, что многие факты из работы Запечкого подтверждаются теми материалами, что поступили в томский «Мемориал». Имеются и документальные косвенные подтверждения того, что в конце 30-х годов в Нарышском крае имели место массовые незаконные аресты. Арестован-

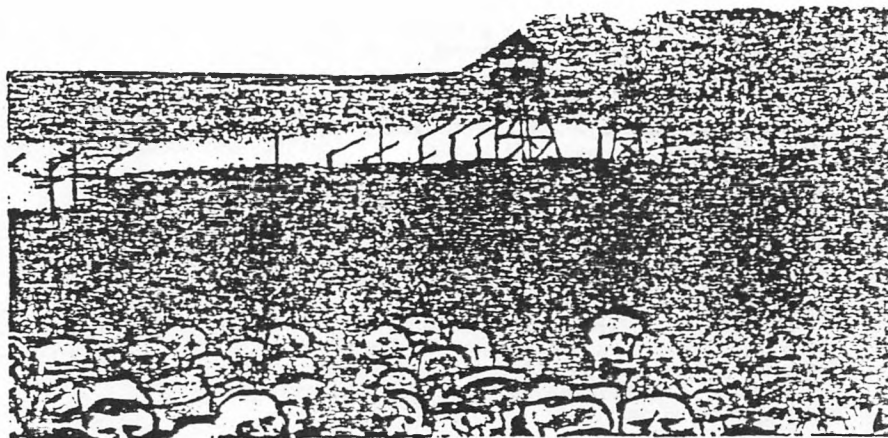
ных свозили в дом предварительного заключения нарышского окружного отдела НКВД (в Колпашеве). Многие из них, если не большинству, предъявлялись сфабрикованные обвинения в принадлежности к мифической эсэро-монархической организации. «Черные тройки» приговаривали их к расстрелу. О количестве репрессированных только по одному выдуманному сержантами-следователями НКВД поводу — принадлежности к так называемой повстанческой организации — можно судить по такой детали: в райцентру (а их было в округе несколько) приписывался целый повстанческий полк. Не «обезвредить» его окружной отдел НКВД не мог, иначе сам был бы обезврежен новосибирским начальством из Западно-Сибирского управления НКВД. К массовым репрессиям понуждали и спускаемые «сверху» контрольные цифры разоблачения и обезвреживания.

Считаем публикацию очерка Запечкого важным делом на пути к восстановлению исторической справедливости.

В. НИТОВ
научный сотрудник Томского научного центра СО
АН СССР.

Б. ТРЕНИН
декан исторического факультета Томского госуниверситета.

В. ФАСТ
доцент Томского государственного университета,
член совета томского «Мемориала».

лф

23.6.89

No. F-229 25

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВИТУРИС" ВЫПУСТИЛО КНИГУ "В КРАЮ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ"
CODE: - СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ

ITEM: Советская Литва + 15 июня 1989 г. + № 139 (13952)

В КРАЮ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ

В ночь на 14 июня 1941 года одновременно в Литве, Латвии и Эстонии по приказу «великого друга всех народов» Сталина и его присных начались массовые аресты и депортации людей в Сибирь. Переполненные эшелоны в эти последние мирные дни один за другим следовали на восток, увозя сотни тысяч ни в чем не повинных людей, из которых только немногим было суждено вернуться к своим родным очагам.

Каждый ссыльный, подвергшийся этому геноциду, прощая свою Голгофу. На протяжении многих лет его постоянными спутниками были голод и холод, болезни и унижения, бесправие и насилие, непроходящая тоска по родине. Недавно издательство «Витурис» выпустило книгу «В краю вечной мерзлоты», в которой воспоминаниями о пережитом делятся те, кому все это пришлось испытать. Вашему вниманию мы предлагаем фрагменты из рассказа «Заполярные камерники», опубликованного в этой книге.

Мне, Антанасу Абромайтису, на момент высылки не было еще и 10 лет. Моя ссылка продолжалась 20 лет и два месяца.

Нашу семью подняли со сна в 4 часа утра 14 июня 1941 года и под дулами револьверов торопили (без предъявления обвинения и приговора суда) быстрее готовиться к отъезду.

Отец требовал: на каком основании осуществляется эта репрессия? В ответ было сказано лишь то, что наша семья вывозится в Сибирь на вечное поселение и что мы в Литву никогда не возвратимся.

С собой позволили взять только две подушки, одеяло и пищу на дорогу. Взобравшись в грузовик, сопровождаемые охраной, выехали. А куда и за что?

Отлично помню, как собрались соседские дети, с которыми вместе учились, послали коров, повиснув на заборе, утирали слезы. Это Юозукас Гудинас, Бируте и Витас Казлаускасы и другие. Взрослых не было видно — наверно, боялись показываться.

Привезли на Алитусскую железнодорожную станцию, где стоял эшелон скотных вагонов, окна которых были забиты решетками. Подвезли к одному еще пустому вагону и приказали залезть в него. Поскольку в вагоне мы оказались первыми, то забрались на верхние нары у единственного решетчатого окна.

Через некоторое время наш вагон начал наполняться и другими ссыльными. В большинстве своем это были учителя сельских школ. Если учителей отправляли в ссылку за то, что они учили детей писать первые буквы, читать по букварю первые слова, то неизвестно, почему в наш вагон посадили Бернатовичюса с женой и двухгодовалой дочкой: они не имели ни пяди собственной земли, ни своего крова, всю жизнь работали батраками в имении.

В Орше эшелон простоял, может быть, 4 суток. Начались жаркие дни, в вагоне не хватало воздуха и воды. Выучив на русском слова «воздуха», «воды», кто только мог их кричал, но никто на наш крик не отзывался. Несколько женщин потеряло сознание.

Голода в вагоне не чувствовали, потому что многим было

позволено взять с собой некоторое количество продуктов. Больше всего не хватало воды. Основным блюдом была подслащенная вода с накрошенным в нее хлебом. Где бы эшелон ни останавливался, всюду подбегали одетые в лохмотья дети и женщины и просили пищи. Нам было непонятно, почему в такой богатой стране, как писалось в газетах, столь много голодающих? А война ведь еще только началась.

Примерно через месяц наш эшелон остановился в городе Бийске Алтайского края. Лил дождь, а мы, выгнанные из вагонов со своим скудным скарбом, стояли и ждали, что будет дальше. Помню — мать держит на руках пятилетнюю сестренку, и по ее лицу катятся слезы. Я, одетый в короткие штанишки и пиджачок, насквозь промокший, залез под вагоны.

Через некоторое время понаехало много повозок, а каждую из них посадили по несколько семей и развезли всех нас по колхозам. Нес привезли в линецкий колхоз, что в 40 километрах от Бийска. Здесь всех погнали на работу. Мать работала в поле, отец (учитель. — Наше прим.) стал кузнецом, заняв место ушедшего на фронт.

Началась холодная ветреная зима, а жили мы в полуподвалах по несколько семей в одной комнате. Мы, дети, на улицу не выходили, потому что не имели одежды.

Пришла весна 1942 года. Созвали всех ссыльных и объявили, что выделяют землю для огородов. Сколько было радости! Мама купила семена, сажали картофель, огурцы, и все радовались, что в следующую зиму уже не придется голодать.

CODE: ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВИТУРИС" ВЫПУСТИЛО КНИГУ "В КРАЮ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ"
— СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ

ITEM:

2.

Однако преждевременно радовались ссыльные литовцы, что им удастся облегчить свою долю. Через некоторое время опять появились вооруженные энкаведисты и, не разрешив убрать огороды, отправили к «белым медведям» в буквальном смысле этого слова.

Выйдя на высокий берег, вдали увидели только горизонт. Никакой растительности, никаких признаков жизни, только зеленая пока еще чуть присыпанный снегом мох тундры.

Тепло одетый мужчина, забравшись на пустую бочку, сказал нам: здесь будем строить Трофимовский рыбзавод. А будущие рыбаки — женщины с детьми, которые не имели ни малейшего понятия о добыче рыбы.

Если в Алтайском крае люди работали в хозяйствах и действительно приносили какую-то пользу, то доставленные на север, на необитаемый остров, они были обречены на смерть.

Началась страшная полярная зима 1942 года, холода, вьюги. Бараки насквозь продуваются. Промерзли стены, потолок. В каждом бараке помещалось по 80—100 человек, литовцев и финнов. В середине барака была установлена металлическая бочка, топить которую было нечем, поскольку за каждую украденную доску грозила тюрьма.

Освещались только лучинами. Никто не умывался, не было для этого условий. Воду получали, растапливая снег. Начались болезни — цинга, дизентерия, завшивели, к тому же холод и голод. Получали по 400 граммов хлеба, хотя трудно было это хлебом назвать, поскольку наспех построенная пекарня выдавала только кусок подогретого теста.

Умирали целые семьи и поодиночке. Медицинской помощи никто не просил, потому что ее здесь не было.

Иногда телевидение показывает фашистские лагеря. Идут истощенные узники в полосатых пижамах, поддерживая друг друга. Но им хоть солнце светило. А мы не видели ни солнца, ни травы, ни листьев.

Познакомьтесь: «Литовская Советская Энциклопедия», 12 т., стр. 250.

«ВИЛКАЙТИС ВИНЦАС, 1892.1.16. — 1943.1.19., умер в Трофимовке (Якутская АССР), литовский ботаник. В 1925 году окончил Берлинский университет. В 1925—41 годах работал заведующим кафедрой сельскохозяйственной академии. 1934—40 г.г. — ректор, профессор. В 1941—1943 г.г. — на хозяйственной работе в Якутской АССР».

Вы, «уважаемые историки», издатели «энциклопедия»!

Если вся ваша «энциклопедия» так написана, то никогда бы не стоял всю ночь в очереди, чтобы подписаться на нее.

Поправляю вас!

Винцас Вилкайтис вместе с семьей был выслан из Литвы 14.06.1941. Ссылный В. Вилкайтис умер от голода 19.1.1943 в Трофимовке (Якутская АССР), в 10-м бараке, рядом с нашими нарами, а не на хозяйственной работе, как вы пишете.

В. Вилкайтис был образованный, высокой культуры человек. Он предалел приближающуюся трагедию. Осенью 1942 года, когда люди еще

могли ходить, В. Вилкайтис собирал вокруг себя ссыльных и говорил:

— Дорогие литовцы, многие из нас отсюда не вернутся на родину. Если кто останется в живых, обязательно расскажите, напишите о тех муках, на которые мы здесь обречены.

Как сталинизм для русского народа уничтожил Вавилова, так для Литвы — В. Вилкайтиса. Это был литовский Вавилов.

В 1947 году Трофимовский рыбзавод был закрыт как нерентабельный. Каждому выдали листок бумаги с печатью, на котором было написано, что являешься «спецпереселенцем» и тебе позволяется жить только в границах Якутской АССР. Каждый месяц мы должны были отмечаться в коммандатуре, что никуда не убежали.

Из Трофимовки ехали кто как мог: поодиночке и группами, на баржах и катерах, оставив общую могилу на

Трофимовском острове, в которую была захоронена половина всех ссыльных. Одни погреблись в верхних Ланы, работали на лесоповале, другие в угольных шахтах. Многие насильно были отправлены на строительство кирпичного завода за 90 километров от Якутска.

Я работал в механических мастерских треста «Якутскстрой» у станка. Был признанным рационализатором, перевыполнял дневные задания. Несколько раз за хорошую работу представляли к правительственной награде, но каждый раз отклоняли мою кандидатуру. Оказывается, награды для ссыльных не положены. Поэтому накопилось несколько десятков похвальных грамот, которые храню не память как сувениры.

Работая в Якутске, посещал вечернюю школу. Много литовской молодежи училось в институте — стали педагогами, я в вечернем отделении изучал электротехнику.

В 1953 году после смерти Сталина подули другие ветры, легче вздохнули и мы, ссыльные. Молодежи позволили уехать на учебу в Новосибирск, Омск. Однако в Литву все еще не пускали. Все еще каждый месяц ходили отмечаться в спецкоммандатуру. Паспортов не имели.

В Литву А. Абромайтис вернулся только в 1961 году. Вместе с женой, такой же ссыльной, прошедшей свою Голгофу, и с двумя детьми, родившимися на севере. В родном краю их никто не ждал. Трудно было прописаться, устроиться на работу. Но мир не без добрых людей. А. Абромайтис долго работал на Каунасском предприятии электросетей, пользовался здесь уважением и доверием, отсюда ушел на заслуженный отдых.

Перевод В. БУТКУСА.

CODE: СССР

ТЕМА: ОПУБЛИКОВАТЬ МАТЕРИАЛЫ О "ЛЕНИНГРАДСКИХ КУРОПАТАХ" — ЛЕВАШОВСКОЙ ПУСТОШИ МЕШАЛИ ПРОСЬБЫ ГОРКОМА И ОБКОМА НЕ ТОРОПИТЬСЯ

■ «Труд» ■ 2 июля 1989 года 4 стр. ■

По праву памяти

ТАЙНА ЛЕВАШОВСКОЙ ПУСТОШИ

Там, где Нева, ударив волной о гранит у Крестов — старой и действующей поныне тюрьмы за Финляндским вокзалом, откатывается к левому берегу — к ленинградской Лубянке, прозванной еще с роковых 30-х годов Большим домом, появился вдруг венок на воде. Он медленно плыл под самыми окнами здания, потом исчез под сводами Литейного моста, а появился уже на виду у «Авроры». Я видел такие в Баренцевом море — их бросали в воду над погибшими в войну кораблями. А еще я видел такие на Ладоге — там ими венчали глубокие, до самого дна могилы убитых в блокаду, на Дороге жизни. «Не скажет ни камень, ни крест, где легли...» Вот почему венки на волне.

НО ЭТОТ предназначался павшим на берегу. Только никто не указал еще их могил. Может быть, венок подскажет?.. Так старики из общества «Мемориал» выразили свое нетерпение, ожидая ответа на письма и обращения к городским властям. Еще в марте попросили они адреса, где расстреливали безвинных подданных Сталина. Свой следующий «ультиматум из лавра» старики пообещали возложить прямо к парадному подъезду местного КГБ. Если, конечно, не будет дан ответ.

Не появившись заметка в «Ленинградской правде», возможно, мало кто узнал бы о случившемся на Неве.

С некоторых пор в газету стали все чаще звонить бывшие репрессированные. Сообщали о себе, спрашивали: «Где же наши Куропаты, ленинградские? Кто-то ведь знает...». Репортеры Елизавета Богословская и Сергей Чесноков напечатали про это. К телефонным звонкам прибавилась почта. А в ней все чаще повторялся один адрес: Левашовская пустошь, местечко под стенами Ленинграда со стороны Карельского перешейка.

Нынешней весной, лишь стаял снег, вместе со стариками, из «Мемориала», тогда еще не зарегистрированного, репортеры поехали в Левашово. Была с ними и Светлана Тихоновна Поли-

новская, которая в своем письме нарисовала даже схему пустоши. И вот уже перед «экспедицией» — длинный, больше полукилометра забор с колючей проволокой поверху. Бросилось в глаза, что забор хорошо содержится: кажется, доску к доске подгонял классный паркетчик — ни щелки. Местные говорили: мол, выломают вдруг доску, на другой день уже стоит новенькая, свежескрашенная. И так с 50-х годов. Журналистам же все-таки повезло: в одном месте выпал крохотный сосновый сучок. По очереди подходили поглядеть — за забором был лес, пара небольших домиков... Последним приставил к дырке объектив фотокор «Ленправды» Игорь Потемкин

Нашли ворота. Валентин Тихонович Муравский постучал. И мгновенно над забором появилась голова, точно уже ждала:

— Чего надо?

— Что здесь находится? — спросили снизу.

— Объект.

— Чей? Как позвонить?

CODE: CCCP

ИТЕМ: ОПУБЛИКОВАТЬ МАТЕРИАЛЫ О "ЛЕНИНГРАДСКИХ КУРОПАТАХ" - ЛЕВАШОВСКОЙ ПУСТОШИ МЕШАЛИ ПРОСЬБЫ ГОРКОМА И ОБКОМА НЕ ТОРОПИТЬСЯ

— Не могу сказать.

Репортеры представились, подали наверх свои «визитки». Василий Иванович, так назвался охранник, сказал, что им позвонят, и скрылся за забором. Они постояли еще, слушая лай собак и разглядывая едва заметные следы автомашины, уходящие под забор.

Через два дня Лизу и Сергея вызвали в обком партии. В кабинете секретаря обкома Ю. Денисова они познакомились с первым заместителем начальника Ленинградского управления КГБ В. Блеером. Денисов сказал:

— Вы нашли то, что искали...

Почему же они искали то, что было уже известно,—левашовский адрес «ленинградских Куропат»? Кажется, все в кабинете секретаря обкома думали тогда об этом.

Опубликовать репортаж о ленинградских Куропатах не удалось ни в Неделю совести — в апреле, ни в мае, ни в июне. Но примерно через месяц после беседы в обкоме было зарегистрировано общество «Мемориал», второе после читинского.

Был объявлен конкурс проектов памятника жертвам сталинских репрессий и образована комиссия по розыску мест захоронений. В. Блеер обещал содействовать, но пока никто из дежурных репортеров и из «Мемориала» не шагнул за секретный забор.

После майских праздников начальник Ленинградского управления КГБ А. Курков получил письмо из «Мемориала». В том письме назывались, кроме Левашова, еще три других адреса. В установленные законом сроки авторы не получили ответа на свое письмо.

Известно, что мэр города В. Ходырев не раз и не два разговаривал по этим, не терпящим молчания и утайки вопросам с секретарем обкома партии А. Фатеевым. Но вот уже прошел июнь, а «ленинградские Куропаты» — на замке, хотя никто не сказал репортерам «нет». Не исключено, полагают даже некоторые, именно в Левашове

лежит все «ленинградское дело»: несколько тысяч расстрелянных. Нет только прямых свидетелей преступления...

А письма идут. Люди называют новые адреса: на кладбище 9 января, где были могилы «спецлюдей» (слово-то какое!) с четырехзначными цифрами на табличках, на реке Сясь, куда возили на баржах, причем, кажется, женщин и детей, у Лисьевого Носа... Опубликовать же рассказ о своей находке журналистам мешали исподволь сначала просьбы к редакции немного подождать в связи с работой архивариусов, потом из-за выборов, наконец, в связи со Съездом народных депутатов: мол, не ко времени. Так и не напечатан он до сих пор. Между тем старики в самом деле собирают уже лавр на обещанный венок и, похоже, не останутся.

Я связался с горсоветом, с обкомом и тоже услышал: не торопись. То есть то, что мои коллеги—репортеры из «Ленинградской правды» слышат уже четвертый месяц подряд. И я не выдержал — сел за телетайп...

М. БЕЛОУСОВ.

[Соб. корр. «Труда»].

ЛЕНИНГРАД.

CODE: CCCP

ИТЕМ: БЕЗ МАЛОГО 40 000 РАСТРЕЛЯННЫХ В ГОДЫ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ; СЕЙЧАС СИЛАМИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ВЕДУТСЯ РАБОТЫ ПО ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЮ, РУКОВОДСТВО ГОРОДА ОТНОСИТСЯ К ЭТОМУ РАВНОДУШНО

ПРАВДА

4 июля 1989 года ● № 185 (25903) ● 6

ТАМ, ГДЕ РЕШИЛИ СТРОИТЬ ГАРАЖИ...

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО!

Мы не знаем, какими были их последние слова. Может быть, кто-то из них кричал: «Да здравствует Сталин!» или «Ни в чем не виноват, спаси меня, Господи...».

Предварительно известно только (это уже из рассказов очевидцев и по мнению экспертов), что привозили их в это глухое место, подальше от людских глаз, и по ночам группами в 10—15 человек за высоким дощатым забором ставили на колени вокруг свежеврытой глубокой ямы и лишали жизни выстрелом в затылок. Иных привозили сюда уже мертвыми и выбрасывали в точно такие же ямы. Сколько здесь подобных «захоронений» — десятки, сотни, тысячи?!

Спустя полстолетия мы стоим на дне одной из таких разрытых ям, десять шагов в одну сторону, столько же — в другую. Это недалеко от поселка Рутченково, расположенного в Кировском районе Донецка. Груда черепов, костей, полусгнивших сапог, ботинок, галosh — вот все, что осталось от тех людей, доселе неизвестных, безымянных...

В тот день, как всегда, раскопками занималась группа студентов исторического факультета местного университета (шла экзаменационная сессия, но они не прекращали работ даже в это время) — Николай Ткачев, Владислав Устенко, Дмитрий Вировец, Николай Курбатов, Александр Кучерявый, Геннадий Руденко. Были здесь также студент

Макеевского инженерно-строительного института Владимир Болдырев и пожилой человек с седой окладистой бородой, которого ребята называли Семенным.

За несколько недель до этого, в воскресный день я встретил их в центре города, на бульваре имени Пушкина, где они повесили самодельную газету со снимками с места раскопок, стараясь привлечь внимание жителей города к делу, которым занимались в свободное время. Как выяснилось позже, мало кто откликнулся на их призыв.

А буквально через неделю я вновь увидел ребят на общегородском митинге в парке. Здесь они вместе с членами общества «Мемориал» предприняли еще одну попытку поднять волну: их вопрос — собирали подписи под письмом в Верховный Совет СССР с требованием создать правительственную комиссию для расследования «захоронений» на Рутченковском поле — назовем его так.

Слово «захоронение» я взял в кавычки, потому что люди были закопаны тут как попало, без соблюдения принятого общечеловеческого обряда.

А началась эта история в Донецке нынешней весной. На Рутченковском поле, как грибы мухоморы, стали возникать ярко окрашенные металлические гаражи кооператива «Текстильщик». Однажды кто-то при рытье подвала обнаружил здесь кости. Сначала в Кировском районе, а потом по всему городу пошли разговоры о том, что гаражи возводят на костях репрессированных. Руководители Кировского района собрали старожилов поселка. Те сообщили, что до войны район, где строят гаражи, был огорожен и тщательно охранялся. Некоторые слышали — иногда оттуда доносились выстрелы, крики, стоны...

Раскопки начали наугад и вскоре наткнулись на одну яму с останками, потом — на другую... Всего их было обнаружено девять. Вырытые одна рядом с дру-

гой, они образовали траншею. Из нее были извлечены останки 160 человек. Областная прокуратура во второй половине апреля возбудила уголовное дело.

— За это время с помощью экспертизы, — рассказывает старший следователь Н. Водопрянов, — удалось установить, что

CODE: СССР

ТЕМА: БЕЗ МАЛОГО 40 000 РАСТРЕЛЯННЫХ В ГОДЫ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ; СЕЙЧАС СИЛАМИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ВЕДУТСЯ РАБОТЫ ПО ПЕРЕЗАХОРОНЕНИЮ, РУКОВОДСТВО ГОРОДА ОТНОСИТСЯ К ЭТОМУ РАВНОДУШНО

найлены останки репрессированных в сталинское время советских людей и закопанных в Кировском районе до войны, в 30—40-е годы. В некоторых ямах обнаружены револьверные и винтовочные пули, гильзы. Нашли три шахтерских жетона, выпущенный в 1934 году гривенник, бутылки, проштампованные в 1938—1939 годах, другие предметы, относящиеся к тому периоду.

— Мы обследовали уже большую часть останков,— добавляет сотрудник областного бюро судебно-медицинской экспертизы Е. Кузьменко.— По нашему мнению, перед смертью люди находились в заключении (тюрьме или лагере), почти все они были острижены наголо, у большинства из них пулевые отверстия в затылочной части.

Все это говорит о том, что мученики были репрессированными. Но кто они? Н. Водопьянов послал официальные запросы в областной архив, Центральный архив Советской Армии, областное управление КГБ. Отовсюду пришли ответы приблизительно одного содержания: никаких документов о том, кто конкретно погребен на Рутченковском поле, нет. Я хотел ознакомиться с этими бумагами, но следователь предупредил:

— Два первых документа я могу показать, а вот ответ из управления КГБ — нет: он пришел с грифом «секретно», вам прежде надо получить разрешение.

— Что же там секретного?

В ответ на мой вопрос Н. Водопьянов недоуменно развел руками, давая понять, что ровным счетом ничего. Для чего же тогда засекречивать то, что не представляет никакого секрета? Что это — способ отгородиться от происшедшего или желание защитить таким образом честь мундира? А вот если бы работники областного управления КГБ захотели помочь следствию, они, учитывая их высокую квалификацию и опыт, могли бы многое сделать. Побеседовать, к примеру, со своими бывшими сотрудниками, кто до войны работал в органах, которые наверняка знают о том, что творилось в те годы на Рутченковском

поле, но молчат. Жив, вероятно, кое-кто из выносивших и приво-дивших «приговоры» в исполнение. С их помощью можно было бы определить хотя бы часть людей, попавших в погребальные ямы.

Теперь о позиции тех, кто, как говорится, по долгу службы обязан был надлежащим образом организовать работы на Рутченковском поле. С самого начала руководство города не придало этому делу должного значения. Откуда столько равнодушия к нашей юдолии?

Заниматься раскопками поручили Кировскому райисполкому. Однако созданная при нем рабочая группа так и не сумела по-настоящему развернуть работы. И если бы не одержимые студенты и не примкнувшие к ним добровольцы вроде Семены-

ча, которые регулярно приходят на поле и занимаются раскопками, дело уже давно бы заглохло. Радует, что нашу боль близко приняла к сердцу и взяли на себя студенты — молодые люди, которые знают о событиях того времени лишь понаслышке. Спасибо им за то, что они своим бескорыстным поступком преподносят городу, и в первую очередь его властям, урок высоко-нравственного, по-настоящему человеческого отношения к невинно загубленным душам.

Они возмущены тем, что до сих пор на Рутченковском поле кощунственно расширяют кооператив, в то время как его надо было отсюда давно убрать. Они правомерно спрашивают: почему на раскопках нет нужной техники, людей, почему работы здесь практически свернуты в то время, как стало известно, что погребальных ям гораздо больше, чем предполагали раньше? С этими вопросами я пришел к председателю Донецкого горисполкома Г. Онищуку.

— Мы не знали, что площади захоронения так велики,— сказал он,— что называется, недооценили обстановку. Теперь будем поправлять положение.

Не знали, значит, не считали нужным вникать, не интересовались ходом раскопок, отсюда и результат. Правда, на следующий день после разговора я встретил

на Рутченковском поле представителя одной из воинских частей майора Г. Моисея. Его командировало сюда по просьбе горисполкома командование части. Изучив обстановку на месте, опытный специалист, которому уже приходилось заниматься подобными делами, высказал такое мнение.

— Работы в трех недавно раскрытых ямах ведутся по-дилетантски. Вокруг участка, который до сих пор не оконтурен, нет необходимой охраны, поэтому были случаи мародерства. По правилам проведения подобных работ на месте должны обязательно присутствовать постоянные представители прокуратуры, областных управлений госбезопасности и внутренних дел, санитарного контроля.

Он назвал много других обязательных в таких случаях организационных и технических моментов: в частности, надо определить специальное место, куда до официального перезахоронения можно складывать останки.

— Сегодня же изложу все это в виде предложений для горисполкома,— сказал участвующий в разговоре начальник Кировского райкомхоза В. Васильев.— Одному нашему району такое дело явно не по силам и средствам.

Он прав. Объем работ огромный, нужны техника, люди, график организации и ведения раскопок. Поэтому горисполкому, видимо, следует принять специальное решение.

Перезахоронение необходимо, скорее, не мертвым, а живым. Каждый из нас, вероятно, должен отдать последний поклон безвинно пострадавшим жертвам сталинского произвола и беззакония. Только в Донецкой области их было без малого 40 тысяч человек. Любый шаг в этом направлении — своего рода очищение от страшного греха, который тяжелым моральным бременем лежит на наших душах. Надо освободиться от него. А для этого следует извлечь останки, по-человечески перезахоронить их, установить здесь обелиск.

Чтобы поле страданий и скорби в Рутченкове стало полем нашей памяти и совести.

Б. ГЛОТОВ,
(Корр. «Правды»),
г. Донецк.

CODE: СССР-ИСТОРИЯ

ИТЕМ: СУХАНОВСКИЙ ЗАСТЕНОК — ПРЕДЛАГАЕТСЯ МОНАСТЫРЬ ПРЕВРАТИТЬ В ПАМЯТНИК
ЖЕРТВАМ РЕПРЕССИЙ

"НЕДЕЛЯ" №43 1989 г. с.15

СУХАНОВСКИЙ ЗАСТЕНОК

Из пелены исторического тумана постепенно выплывают все новые острова проклятого архипелага по имени ГУЛАГ. Не только затерянные в необъятной сибирской тайге, но и ближние, которые, казалось, не спрячешь от людских глаз. И тем не менее...

Что мы знаем о Сухановской секретной особорежимной тюрьме в Подмоскovie, близ города Видное? Кое-что о ней можно прочесть в воспоминаниях репрессированного работника Наркоминдела Е. Гнедина, помещенных в седьмом номере журнала «Новый мир» за прошлый год. О ее существовании упоминал А. Солженицын в своем «Архипелаге ГУЛАГ». И все. Тюрьма эта остается одним из самых таинственных мест заточения и истязания тысяч людей во времена Сталина. О ее существовании — в отличие, скажем, от Лефортовской строгорежимной тюрьмы или Внутренней тюрьмы НКВД СССР на Лубянке — не подозревали даже местные жители. Распространялась версия, что здесь находится секретное военное предприятие. Узников провозили на территорию в машинах с надписями «Хлеб», «Молоко».

Возникла тюрьма следующим образом. На этом месте при царе Алексее Михайловиче был построен монастырь Екатерининская пустошь, где доживали свой век видные московские священнослужители. После революции монастырь был закрыт, и его строения отдали для дома отдыха архитекторов.

К 1937 году Лефортовская тюрьма, очевидно, перестала справляться с выпавшей на ее долю нагрузкой. Потребовался филиал, который должен был находиться не-

далеко, но за городом, в полной секретности. Лучшего места, чем древний монастырь возле деревни Суханово, не отыскали. Распоряжением М. И. Калинина территория вокруг монастыря и его постройки перешли в распоряжение НКВД. А на средства этого ведомства было построено жилье для персонала дома отдыха архитекторов, которые с той поры стали проводить досуг в усадьбе Волконских.

Бывший лейтенант МГБ П. В. Мальцев в Сухановской тюрьме работал надзирателем с 1939 года вплоть до ликвидации тюрьмы в 1953 году. Был переведен сюда из Соловецкой тюрьмы особого назначения. За преданность делу получил два ордена и наградное оружие.

— Вы радовались переводу поближе к Москве? — спрашиваю Мальцева.

— Для меня не имело значения, где выполнять свой долг. Но служба в Сухановской тюрьме была намного тяжелей, чем на Соловках. Здесь, как мне объяснили, сидели особо опасные государственные преступники. На Соловках контингент был попроще. Главной задачей надзирателя в Сухановке было следить за тем, чтобы заключенный не покончил с собой. Ведь тюрьма была следственным изолятором. Одновременно здесь вели допросы 6 — 7 следователей с Лубянки. Допрашивали в основном по ночам. Редко кто из заключенных находился у нас больше, чем две недели, — такой был установлен официальный срок для получения от подследственного показаний.

— И сколько же узников одновременно могло содержаться в Сухановке?

— Не более ста пятидесяти человек.

CODE: СССР-ИСТОРИЯ

ИТЕМ: СУХАНОВСКИЙ ЗАСТЕНОК — ПРЕДЛАГАЕТСЯ МОНАСТЫРЬ ПРЕВРАТИТЬ В ПАМЯТНИК
ЖЕРТВАМ РЕПРЕССИЙ

"НЕДЕЛЯ" №43 1989 г. с.15

Насчет побегов, кстати, могу сказать: такого не было ни разу. Тюрьму охраняли 70 человек и спецрота с наружной стороны. Заступая на дежурство, я получал от дежурного по тюрьме инструкции — какому заключенному из моего сектора разрешено спать, какому — нет. Обычно я обслуживал 8—10 камер с таким расчетом, чтобы через каждые полторы-две минуты снова заглядывать в исходную камеру. На ноги обували специальные сапоги на мягкой подошве, чтобы подойти к камере неслышно.

Узники содержались в бывших монастырских кельях — полтора на два метра. Среди них были и женщины. Одной из заключенных, по свидетельству П. В. Мальцева, была Полина Жемчужина, жена Молотова. Она содержалась не в камере, а непосредственно в кабинете следователя. «Даже мы, надзиратели, не могли к ней заглянуть в окошечко».

Был в тюрьме и еще один заключенный, которого назвал необычным даже привыкший ко всему лейтенант. О своей встрече с ним он вспоминает:

— Перед дежурством (а это было приблизительно летом 1939 года) мне дали особые инструкции: сейчас поведешь на допрос заключенного, держи его крепче и будь внимательней. Для меня такая инструкция — диво: мы всегда были собранны до предела. Захожу в камеру, а передо мной в арестантской одежде — Ежов Николай Иванович. Слышал я, что его перевели в наркомы речного транспорта, — и вдруг!.. Ну, думаю, ладно, нам удивляться не положено. И, надо вам сказать, не понравился он мне — шустрый, пришибленный. А мы ведь на его портреты разве что не молились. Гордились и тем, что это сам Николай Иванович основал нашу Сухановскую тюрьму.

Допрашивал Ежова сам Лаврентий Павлович Берия. Мне всегда казалось, что он любил нашу тюрьму. Приезжал по ночам. Ежов пробыл у нас несколько месяцев, увезли его доходягой. А Лаврентий Павлович продолжал приезжать и потом.

Для Берии в Сухановке был оборудован специальный кабинет, с прямым телефоном в Кремль. Здесь хозяин в случае надобности мог послать, здесь постоянно проводил совещания со следователями и руководством тюрьмы. После войны частенько бывал здесь и министр МГБ Абакумов.

Когда началась война с Германией, Сухановка была эвакуирована. А приблизительно в конце сорок второго здесь стали содержать арестованных военных. П. В. Мальцев, как и его собратья по работе, числился в дивизии особого назначения войск НКВД.

Когда линия фронта отодвинулась на приличное расстояние от Москвы, Сухановка

новка вновь приступила к выполнению возложенной на нее миссии. Продолжая работу надзирателем, Петр Мальцев после войны решил «пойти в идеологические работники» — три года заочно учился в Институте марксизма-ленинизма при МК КПСС. Но партийным работником так и не стал. Уже при Хрущеве закончил трудовой путь на польнице культуры — завклубом Таганской тюрьмы.

А ВОТ Яков Федорович Серов, живущий неподалеку, тоже в Видном, работал в Сухановской тюрьме секретарем партийной организации и руководил подготовкой личного состава тюрьмы. Подарил мне на память мандат делегата партийной конференции МГБ — на конференциях Я. Ф. Серов бывал постоянно. Лично знал Абакумова, Миронова, других руководителей репрессивного аппарата.

— Мы свой страшный долг перед народом выполнили. Нам такое довелось пережить... Я вот как партийный секретарь прорабатывал сотрудников даже за рюмку водки. А умер Сталин, мы все как один жутко пить начали, разрадились, что ли... Мыслимо ли дело: столько лет на пределе сил, страха, ненависти к врагам! Все время надо было быть начеку. Вот, помню, замполит наш не раз у меня в гостях бывал. И, чувствую, перерождается человек: говорит все больше о достатке, а не о долге. Передергивало меня от этого — мы-то с женой бедно жили. Я его разговоры передал.

— То есть вы сочли своим долгом сообщить куда следует, какую вредную агитацию ведет замполит тюрьмы?

— Да нет, в общем, меня спросили, и я честно рассказал. А уж судил не я, а трибунал. Все по закону. У нас в тюрьме беззакония не допускалось. Власть ведь была законная. И мы ее охраняли. Сейчас, конечно, многие репрессированные голос подавать стали, обижаются. А раньше-то молчали — ведь снова туда можно было попасть. Теперь сверху гласность спустили. нас последними словами называют — палачи, мол. А я вам скажу, что во время войны заключенных в нашей тюрьме кормили блинами, а мы, персонал, ели хлебушку из свекольной ботвы.

Серов не отрицал, что к подследственным применялось физическое воздействие, — из следственных кабинетов доносились, как выразился Яков Федорович, «сильные крики». А какие впечатления остались у него от узников?

— Сидели здесь культурные, умные люди. Не хулиганили. Не то, что уголовники — те и парашу охраннику на голову надеть могли.

CODE: СССР-ИСТОРИЯ

ИТЕМ: СУХАНОВСКИЙ ЗАСТЕНОК — ПРЕДЛАГАЕТСЯ МОНАСТЫРЬ ПРЕВРАТИТЬ В ПАМЯТНИК ЖЕРТВАМ РЕПРЕССИЙ

"НЕДЕЛЯ" №43 1989 г. с.15

Люди и в условиях Сухановки пытались сохранить достоинство, человеческий облик. А было отсюда всего два пути — на расстрел или на каторгу. Ни Мальцев, ни Серов не вспомнили ни одного случая, когда узник был бы освобожден.

Прозодилось ли в Сухановской тюрьме массовое уничтожение людей? Мои собеседники это отрицали. Что ж, они свое мнение высказали — и о блинах, и о соблюдении законности.

Н СОЖАЛЕНИЮ, мне не удалось отыскать ни одного сухановского узника, живущего ныне. Но, выясняя подробности об этом застенке, я встретился с подполковником МВД в отставке Ю. Н. Богомоловым. Вплоть до весны нынешнего года Юрий Николаевич работал комендантом Дома союзов. Ему довелось побывать летом 1958 года на территории уже бывшей Сухановской тюрьмы. Вот его рассказ.

«Я учился в Высшей школе МВД в Москве, и меня включили в состав группы, состоявшей в основном из преподавателей, которые отправлялись на экскурсию в «личную тюрьму Берии» — так она именовалась в обиходе. Нас заверили, что на территории тюрьмы все сохранилось почти в том же виде, что и во время репрессий. Приехали. Мощные монастырские стены с деревянными вышками по углам. Вокруг — открытое пространство. Нас сопровождал человек, который давно работал в этой тюрьме в хозобслуге.

Спустились в подвал. Здесь находились шесть камер «темного» карцера, куда не проникал даже лучик света. По словам «гида», заключенные проводили здесь по многу дней. Меня поразили сырость и холод, от которых, по-моему, можно за день очокуриться.

Из подвала вел лифт на второй этаж, где располагался кабинет Берии. Поднялись туда. Вход в кабинет Берии был сделан в виде стенового шкафа. В кабинете — паркет на полу, на стенах — дубовые панели. Стол, накрытый зеленым сукном.

Самое страшное было впереди: нас повели на место казней. Человек из хозобслужбы показал на закопченную трубу между крестами монастырской церкви. «Через эту трубу вылетела не одна сотня контриков».

В храме мы увидели такую картину. Пол выложен чугунными плитами. Напротив входа — печь с железными дверцами. Тут же — железные носилки с роликами.

Я не сразу заметил, что в четырех углах храма стояли высокие, в человеческий рост, изогнутые бронированные щиты с небольшими отверстиями на уровне глаз. Оказывается, жертву заводили в храм, вернее, в ту его часть, где располагался крематорий, и палили по ней с четырех сторон из наганов. Обычно человек не успевал даже сообразить, что он умирает. Затем подручные взваливали труп на носилки и отправляли его в печь, которая топилась мазутом. Убийства совершались

только по ночам, когда дым из крематория не был виден окрестным жителям.

Тогда я был совершенно потрясен — настоящий концлагерь для соотечественников в нескольких верстах от Москвы. Я никогда не был верующим, но то, что душегубку разместили в церкви, не удосужившись даже снять кресты, показалось мне верхом кощунства».

БЫТЬ МОЖЕТ, наступит время, когда будет полностью снят запрет с архивов, относящихся к периоду репрессий, и сегодняшние данные о Сухановке будут уточнены. А может быть, наоборот... Как знать, каким образом составлялись документы при проведении страшных сталинских обрядов? Насколько можно будет верить цифрам и фактам, в них зафиксированным? Память людская — самое надежное свидетельство.

Каким-то чудом на территории Сухановки сохранилось многое из того, что окружало заключенных в тридцатые — пятидесятые годы. Монастырские постройки принадлежат Учебному центру ГУВД Мособлсполкома. В храме — склады. Два тюремных корпуса переделываются под общежитие.

— Хотите попасть в кабинет Берии? — переспрашивают меня молодые строители. — Пошли, там у нас раздевалка.

Дубовые панели обиты картинками: девочки в разных позах. Но паркет еще крепок. В углу, где отдыхал Берия, спит черный кот.

В третьем тюремном корпусе, где тоже томились и умирали от пыток заключенные, — шум, веселые голоса. Здесь живет два десятка семей. В коридоре — газы, какая-то посуда, детская коляска...

Эти люди не виноваты, что веселятся и ругаются, празднуют и спят там, где несколько десятилетий назад истязали невинных людей. Их положение объяснить просто: жить-то надо... Но поневоле думаешь о современных квартирах серовых и мальцевых.

Сейчас много пишут и говорят о строительстве мемориала жертвам сталинских репрессий. Собираются средства — многие люди хотят внести свою лепту в это благородное дело. Но вот что я думаю: не лучше ли на собранные средства построить нормальное жилье для сегодняшних обитателей сухановских казематов, а территорию монастыря превратить в памятник жертвам репрессий? То, что сохранилось, а сохранилось почти все, — это и есть скорбный памятник народному горю.

Думаю, современным исследователям под силу восстановить максимально точный облик сухановского застенка. В конце концов, живы бывшие работники тюрьмы. Быть может, удастся разыскать тех, кто уцелел, пройдя через сухановский ад.

Сегодня здесь кипят строительные работы. Это разрушается память.

Александр АННИН.

7.11.89

DAY MONTH YEAR

No.

F- 610 01

CODE: L000072 - 01

JAKOREWAA

7-NOV-1989 14:53:23

ITEM:

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИСТОРИИ НОРИЛЬСКОГО ЛАГЕРЯ НКВД
ПЕРИОДА СТАЛИНСКОГО ПРОИЗВОЛА

"Век XX и мир", №7/89

Театральный роман

Я, как бывший узник, хотел бы поведать о некоторых фактах истории Норильского лагеря НКВД периода сталинского произвола.

Пару слов о себе. По замыслу наркома Серго Орджоникидзе, на железнодорожном узле Верховцево строилась механизированная сортировочная горка, на которой производилась сортировка вагонов с кривоножской рудой для металлургических заводов. Стройка считалась важной и курировал ее сам Серго. А меня назначили сюда парторгом ЦК ВКП(б). На похоронах Серго Орджоникидзе я был в составе делегации днепропетровских большевиков. Ну, а в 1937 году меня репрессировали как «врага народа». С того периода начались 18 лет тюремных застенков, политизоляторов, централов, этапов, лагерей и ссылок. Провел я их рядом со многими невинными людьми.

В 1939 году нас из Елецкого политизолятора, измученных режимом, цингой и дистрофией, привезли в Красноярскую пересыльную тюрьму. Оттуда погрузили на деревянные баржи, оборудованные восьмьюрусными нарами. И на буксире колесного парохода «Мария Ульянова», вслед за ледоходом, повезли по Енисею в Дудинку.

Этот этап длился два месяца. Кормили затирухой: смешивались вода

из Енисея, соль и мука. Весь рацион составлял по три черпака на душу. Вместо посуды каждый получал свой черпак затирухи — кто в ботинок, кто в фуражку, шапку, рукав или в полу пиджака. Не получил — издыхай. Алюминиевые ложки отобрали, а деревянных не дали. Поэтому кушать приходилось по-собачьи — языком вылизывать содержимое. Воды, кипятка и хлеба — не давали.

В барже около 600 эзков. На каждом этаже нар оправка, которую раз в сутки подавали через люк на палубу и выливали за борт. Так как бочки не были оборудованы ручками, они часто соскальзывали из рук слабых людей, опрокидывались на нары, постели и нам на головы.

Люди на глазах умирали от отсутствия воздуха, воды, человеческой пищи и от антисанитарии. Трупы умерших не выдавали на палубу конвою до полного разложения. Почему? Это давало возможность получить на усопших три черпака затирухи в сутки. За два месяца одна только наша баржа потеряла более 150 человек.

По прибытии в Дудинку мало кто по трапам через льдины мог выйти на берег — в основном выносили и клали на землю вечной мерзлоты Таймыра. А здесь к цинге и дистро-

CODE: LO00072 - 02

JAKOREWAA

7-NOV-1989 14:53:34

ITEM:

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИСТОРИИ НОРИЛЬСКОГО ЛАГЕРЯ НКВД
ПЕРИОДА СТАЛИНСКОГО ПРОИЗВОЛА

"Век XX и мир", №7/89

2

ПОЧТА

фии добавлялось еще и воспаление легких.

И снова начались потери среди живых «трупов»: этому способствовал «освежающий» таймырский порывистый холодный ветер, дующий на истощенных и полураздетых людей. Выжившие запоминают ветерок тот на всю оставшуюся жизнь. Очень хотелось, чтобы про все это знало новое поколение советских людей...

Норильск запомнился нам рудником Морозова, зонами палаток шестого и второго лаготделений, бревенчатым домиком легендарного геолога Урванцева и добротным двухэтажным домом НКВД. На работу нас погнали строить в первую очередь тюрьму для себя, а вольнягам — дома и коттеджи, также долбить фундаменты в вечной мерзлоте для ТЭЦ... Впрочем, и других работ хватало.

Первые годы трудились только на общих подконвойных работах, как тогда говорили — «иди и не вертуйся». Однако мне, в отличие от других, повезло. В моем лаготделении жила бригада музыкантов духового оркестра, создателем и руководителем которого был заключенный — композитор Сергей Федорович Кайдан-Дешков, автор пионерского гимна «Взвейтесь кострами». С детских лет я рос в музыкальной семье и играл на трубе. А оркестру как раз требовались трубачи, и Кайдан пригласил меня в клуб-барак.

Проверил мои музыкальные способности. Там же он рассказал, что осужден тройкой по статье 58—10 сроком на 10 лет. В Норильск его привезли в 1935 году. В оркестре он один политический, а все музыканты — бытовики (воры, бандиты, аферисты, мошенники и др...) Политических к ним не берут. Но так как им остро требуется трубач, то он попытается добиться, чтобы меня взяли в оркестр. Все музыканты работали на «блатных» работах — они не враги народа, а бытовики-«друзья». Оркестр обслуживал в первую очередь вольняг, главным образом работников НКВД. Как раз через НКВД Кай-

дан и добился разрешения допустить меня, политического, еще не разоблачившегося врага народа, играть в оркестре. Оркестр часто играл на увеселительных вечерах работников НКВД, танцах, похоронах вольняг, торжественных праздниках комбината и других мероприятиях. Все музыканты, так называемые друзья народа (в отличие от нас — «врагов народа»), были расконвоированы. Кроме, конечно, Кайдана и меня. На каждый выход из зоны к нам двоим приставляли «попку» с наганом.

Я же работал еще и на общих работах: шахтерах, грузчиком угля, рабочим в геологической бригаде — рыл шурфы... В те дни, когда нужно было играть с оркестром, меня на полдня освобождали от общих работ и под персональным конвоем доставляли с трубой на культурно-увеселительные мероприятия.

Потом появился даже театр, ибо к нам начали поступать из этапов такие музыканты, как Бачеев Иван Александрович, бывший руководитель джаза Цфасмана (осужден тройкой по статье 58—10, срок—10 лет), Сергей Дягель — дирижер, виолончелист, впоследствии работал в Свердловском оперном театре. Художник театра Лев Хоменко — осужденный за то, что родился на КВЖД. В полном составе Львовская хоровая капелла под руководством Драгана. Меццо-сопрано латвийской оперетты Ирина Крыто. Стихи Пушкина читал у нас спортсмен, пловец Валерий Бурз. Работал и знаменитый эстонский пианист Уно Томбрэ. Зачислили в ансамбль цыганских танцоров и много других музыкантов, фамилии которых, увы, я уже и не помню.

Мы давали концерты для заключенных, вольных в лаготделениях и на заводах, а жили на хлебном пайке и небольшом приварке. А после войны таким же этапом меня отправили отбывать срок тюремного заключения (четыре года) в Александровский централ...

Извините за плохое изложение: писать я не умею. Рассказать о го-

7.11.89

DAY MONTH YEAR

No.

F- 610 03

CODE: L000072 - 03

ЖАКОРЕВАА

7-NOV-1989 14:53:44

ИТЕМ:

НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИСТОРИИ НОРИЛЬСКОГО ЛАГЕРЯ НКВД
ПЕРИОДА СТАЛИНСКОГО ПРОИЗВОЛА

"Век XX и мир", №7/89

3

да, проведенных в Норильском ла-
гере НКВД, о себе и людях могу зна-
чительно больше. Очень жаль, что
не смогу оставить всего, что знаю,
для будущей истории Норильска пе-
риода репрессий и беззакония: мне

уже 78-й год. Мы постепенно уходим
в небытие.

Виталий БАБИЧЕВ,
ветеран партии и труда,
почетный железнодорожник,
г. Киев.

- А9 -

CODE: СТАЛИНИЗМ

ИТЕМ: АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ О КНИГЕ БЫВШЕГО ГЕНЕРАЛА НКВД АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА
"ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ" - "ОГОНЁК" ПУБЛИКУЕТ ГЛАВЫ
ИЗ КНИГИ

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Александр
ОРЛОВ

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Вышел
1 апреля
1923 года

№ 46 (3251)
11-18 НОЯБРЯ

СВИДЕТЕЛИ ОБВИНЕНИЯ

Среди большого количества публикаций о сталинском периоде нашей истории эта книга уникальная.

Это не воспоминания бывшего зека, ссыльного, репрессированного, это не роман или повесть писателя, пытающегося на основании собранных фактов восстановить правдивую картину тех лет, это не официальный документ, реабилитирующий невинно осужденных.

Книга Орлова — это показания бывшего генерала НКВД. Почти двадцать лет он прослужил на высших должностях в органах безопасности. 12 июля 1938 года он, работая в Испании, скрылся и, очутившись в США, рассказал в своей книге о страшном сталинском репрессивном механизме, о событиях, участником, очевидцем и свидетелем которых был сам, показал изнутри бесчеловечную сталинскую машину уничтожения.

«Тайная история сталинских преступлений» была впервые опубликована на английском языке в Америке

в журнале «Лайф» в 1953 году, сразу после смерти Сталина.

Эта книга потрясает не только своими разоблачениями страшных сталинских злодеяний. Удивительна судьба автора, похожая на детективный роман самого высокого класса.

Книга Орлова широко известна на Западе. Факты, в ней изложенные, привлекли внимание многих западных советологов, а также советских авторов, занимающихся сталинским периодом нашей истории. Книга эта — показания свидетеля, в ней излагаются исторические факты, а исторические факты принадлежат не тому, кто о них сообщил, а самой истории. И каждый исследователь может на эти факты (если считает их достоверными) опираться. Когда это право в групповых интересах отвергает, скажем, «Наш современник» (конечно, когда речь идет о «чужих», а не о «своих» авторах), то это понятно, но когда для подобных невежественных утверждений предоставляет свои страницы такая солидная газета, как «Комсомольская правда» (номер от 1 июля 1989 г., статья С. Заворотного), то это вызывает по меньшей мере удивление.

Как читатели при чтении книги, так и исследователи при ее изучении должны иметь в виду следующие четыре обстоятельства:

CODE: СТАЛИНИЗМ

ИТЕМ: АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ О КНИГЕ БЫВШЕГО ГЕНЕРАЛА НКВД АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА
"ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ" - "ОГОНЁК" ПУБЛИКУЕТ ГЛАВЫ
ИЗ КНИГИ / 2 /

23

1. Орлов прослужил в органах ОГПУ — НКВД двадцать лет на самых высоких должностях. Это был убежденный, опытный, профессиональный чекист высокого ранга. Однако о том, в чем именно он сам участвовал, Орлов умалчивает, о своей истинной роли в органах не говорит, хотя совершенно ясно, что, занимая в органах самые высокие должности, он не мог не участвовать в их акциях. И эта сторона деятельности НКВД, которая под пером Орлова была бы наиболее достоверной, из его рассказа выпала. Тайны, к которым он сам был причастен, он не разглашает. Он хочет быть обвинителем, но не обвиняемым. И оттого рассказ его не полон.

2. За двадцать лет своей работы в органах Орлов имел длительные, тесные и часто дружеские связи с такими же, как и он, высокими руководителями НКВД и, безусловно, очень многое знал об их деятельности. Однако личные симпатии и антипатии весьма существенно отразились на объективности его рассказа. Субъективно часто и отношение Орлова к некоторым осужденным на процессах. Это местами искажает картину и ставит под сомнение кое-какие оценки. Особенно осторожно надо относиться к тому, что ряд участников процесса он объяв-

ляет «платными агентами НКВД».

3. Для установления степени достоверности книги Орлова ее надо разделить на три периода:

а) 1934 и 1935 годы, когда Орлов был за границей и вернулся в СССР только в декабре 1935 года. Таким образом, все дело Кирова, с которого Орлов начинает свое повествование, происходило в его отсутствие, он знал о нем по рассказам своих сослуживцев и по собственным догадкам. С его концепцией убийства Кирова я согласен, смерть Кирова нужна была Сталину и только Сталину. Однако целый ряд других причин обострения ситуации, например, конфликты Кирова с Орджоникидзе, Микояном, Ворошиловым, носил, как правило, чисто служебный характер и не играл решающей роли в трагедии. Также ошибочны и некоторые другие мелкие факты.

б) С декабря 1935 г. по сентябрь 1936 г. Александр Орлов (его настоящее имя и фамилия Лев Фельдбин) жил в Москве, работал в аппарате НКВД, был близок с руководителями ведомства, готовившими процесс Зиновьева — Каменева, был хорошо информирован и может считаться если не участником (это не исключено, но об этом Орлов умалчивает), то, безусловно, свидетелем того, что происходило. Главное событие этого

периода — первый из больших процессов, процесс Зиновьева — Каменева (август 1936 года). Здесь степень достоверности довольно высокая, если, повторяю, сделать поправку на личные симпатии и антипатии Орлова. В романе «Тридцать пятый и другие годы», касаясь процесса Зиновьева — Каменева, я тщательно знакомился с материалами Орлова, они ценны, однако не во всем точны и объективны. Я сверял их с другими источниками, в том числе и рассказами живых свидетелей, делал это не для «перевирания Орлова», как утверждает все тот же С. Заворотный («Комсомольская правда» от 1 июля 1989 г.), а в поисках точной и убедительной версии. И все же именно эта часть книги (с декабря 1935 по сентябрь 1936 года) представляется мне наиболее ценной и достоверной.

в) Третий период, с сентября 1936 года и до своего побега за границу (12 июля 1938 г.), то есть конец 1936-го, весь 1937 год и половина 1938-го (процесс Пятакова — Радека, закрытый процесс военных и процесс Бухарина — Рыкова), Орлов жил в Испании, узнавал о происходившем в СССР от приезжих, часто не имевших прямого отношения к описываемым событиям. Орлов сам это признал, написав, что множество заку-

CODE: СТАЛИНИЗМ

ИТЕМ: АНАТОЛИЙ РЫБАКОВ О КНИГЕ БЫВШЕГО ГЕНЕРАЛА НКВД АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА
"ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ" - "ОГОНЁК" ПУБЛИКУЕТ ГЛАВЫ
ИЗ КНИГИ

лисных историй, связанных с этими процессами, дошло до него через хорошо информированных сотрудников НКВД, которые выезжали по делам службы в Испанию и во Францию.

Это не значит, конечно, что вся информация, относящаяся к «испанскому периоду» жизни Орлова, не достойна внимания. Отнюдь нет. Там много ценных и интересных фактов. Но к этой части книги надо подходить особенно осторожно. Там много поверхностного, сомнительного и есть просто фактические ошибки. И только невежды могут представлять читателю как абсолютно истинный дословный рассказ А. Орлова о процессе Пятакова — Радека, который происходил 23—29 января 1937 года («Комсомольская правда» от 6 июля 1989 г.).

4. Свою книгу Орлов писал 40 лет назад. За эти 40 лет наша осведомленность, наша информация о том периоде настолько расширилась, что некоторые утверждения Орлова выглядят абсолютно недостоверными, читатель это легко заметит.

Я так тщательно остановился на ошибочных и сомнительных моментах книги А. Орлова для того, чтобы, увлекшись ее чтением (а от нее невозможно оторваться), читатель не терял критического восприятия.

Однако я уверен, что наш читатель уже во многом осведомлен и способен сопоставить различные версии, отличить действительное от сомнительного.

И все же то ценное, что есть в книге Орлова, превышает ее недостатки. При спорности ряда фактов книга в целом создает правдивую картину того страшного времени, передает атмосферу чудовищных злодеяний Сталина и, что, может быть, самое главное, истинную роль в этих злодеяниях самого Сталина, собственной рукой правившего показания несчастных обвиняемых, вписывавшего в них дикие нелепости и лично указывавшего, как пытать и мучить людей. Пусть прочитают это люди, до сих пор утверждающие, что это не Сталин делал, а «его именем делалось».

Книга Орлова впервые была переведена за рубежом на русский язык через 30 лет после опубликования на английском! Почему? Недооценили? Не поняли? Были заняты другими публикациями? Возможно. И все же немалую роль, я думаю, сыграла неприемлемость кое для кого позиции Орлова. В послесловии написано: «Он усиленно противопоставляет Сталину Ленина», «противников Сталина Орлов порой аттестует как «ближайших соратников Ленина», по-

лагая, видимо, что такой аттестации плюс их расхождения с кровавым тираном достаточно, чтобы считать их светлыми личностями» и дальше — «комплимент «соратник Ленина» сам по себе сомнителен, если принять во внимание истинное лицо Ильича... Сказывается в авторе не только бывший работник ОГПУ — НКВД, но и бывший партиец... В этих высказываниях мне видятся истинные причины того, что 30 лет эту книгу на Западе не переводили на русский язык. В том же издании Орлов вменяется в вину и следующее: «Орлову, посвященному в тайны сталинской кухни, не грех бы отмежеваться от злодеев пораньше... К тому же, если бы не прямая угроза его жизни, исходящая от Сталина и Ежова, он верно продолжал бы служить системе».

Вряд ли стоило опускаться до таких обвинений. Мы не знаем, мог ли физически Орлов «отмежеваться раньше». Мы не знаем, что бы он делал, не угрожай ему Сталин и Ежов.

Но мы знаем, что он написал книгу «Тайная история сталинских преступлений», которая поможет многим людям избавиться от просталинских иллюзий.

Анатолий РЫБАКОВ

— Селу —